

ВАРЛОРД ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА ТОМ II

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Алекс Делаacruz
**Варлорд. Путеводная
звезда. Том II**
Серия «Варлорд», книга 7

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67616868
Алекс Делаacruz. Варлорд. Путеводная звезда. Том II:*

Аннотация

Седьмая книга саги о варлорде Артуре Волкове.

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами.

Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	60
Глава 4	112
Глава 5	155
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Алекс Делакруз

Валрод. Путеводная звезда. Том II

Глава 1

Впереди, на выходе из алтарного зала поместья Юсуповых-Штейнберг, меня ждала неизвестность. И с каждой уходящей минутой окно возможностей, доступных вариантов действий, уменьшалось. Это не догадка, а знание – диктуемое проснувшимся предчувствием. Времени до начала событий, которые я не смогу контролировать, у меня оставалось совсем немного.

Так что мне определенно нужно торопиться.

Поднимаясь по лестнице, я буквально чувствовал, как секунды утекают, словно песчинки в песочных часах. Но цена ошибки сейчас настолько высока, что любое мое необдуманное действие может поставить крест не только на мне и моей жизни, а утянуть за собой очень и очень многих.

Торопиться нужно. Но не спеша, а то ведь могу и навсегда успеть.

Не выбежал суматошно прочь из алтарного зала, метеором выскакивая в коридоры усадьбы, я еще оттого, что нуж-

но было обдумать и осмыслить происходящее. И произошедшее. Обращая внимание на самые мельчайшие детали. К примеру, на то, что широкая лестница, ведущая наверх, равномерно освещена голубоватым сиянием.

Питаемые стихийной энергией светильники отражали силу того, кто последним поднимался по этой лестнице. Они меняли окрас автоматически, реагируя на ауру источника. И, судя по голубым отсветам ледяного пламени, последний раз алтарный зал посещала Анастасия. Но концентрированная стихийная энергия в алтаре была оранжевого цвета, цвета пламени. Моей стихии, стихии Огня.

Это значит, что Анастасия последней спускалась в алтарный зал, но с Местом Силы ничего не делала, оставив его в огненном воплощении.

Специально оставила? Меня ждала? Вполне возможно.

Поднимаясь по лестнице, сознательно медленно двигаясь, я при этом метался мыслями словно в клетке. Только в клетке без стен, огороженной пеленой неизвестности. Тысячи осколков мыслей и воспоминаний возникали в голове одновременно, все никак не желая складываться в единый монолит понятной к восприятию модели реальности. Причем отчетливо чувствовал, что прямо сейчас упускаю что-то очень важное, какую-то критическую деталь, важную для всей картины.

Ускользящая возможность зацепиться за такую близкую, критичную для завершения пазла событий деталь при-

чиняла почти физическую боль. И мне приходилось себя удерживать, чтобы не начать суетиться – и в действиях, и в мыслях.

Не торопись, а то успеешь – еще раз сказал я сам себе, когда поднялся по лестнице и оказался перед широкой глухой аркой, закрывающей выход. В центре была выгравирована четырехлучевая путеводная звезда, к которой я прислонил ладонь. Заскрежетало, по коже мягко повело эхом стихийной силы, и тяжелые створки прохода разошлись в стороны.

– Ну-у... допустим, здравствуйте, – осторожно выглянул я в медленно расширяющийся просвет прохода. Шагнув через линию открывшейся двери, постоял немного, пока створки за спиной смыкались.

Коротко осмотревшись в кабинете Петра Алексеевича Штейнберга, отметил непривычные, вновь изменившиеся детали. Первый раз, когда здесь оказался, мебель была накрыта тканью, а управленческий терминал на рабочем столе отключен. После, когда здесь появлялся во второй раз, кабинет уже выглядел обжитым – княгиня Анна Николаевна по каким-то причинам сменила к погибшему мужу гнев на милость и, как мне показалось, даже полюбила работать в его кабинете.

Сейчас же помещение вновь выглядело... не забытым, скорее законсервированным. Мебель вновь накрыта тканью, и вновь отсутствует портрет Петра Алексеевича на стене – который недавно, было дело, вернулся на место. Но, осмот-

ревшись, я отметил, что отсутствует еще ряд вещей – не было настольного письменного набора из малахита, определенно пропали несколько клинков со стены.

Мое восприятие и чувства, разогнанные в попытке понять ускользающую подноготную происходящего и произошедшего, были настолько обострены, что действовал я сейчас на грани реальности, чувствуя кромку границы мира, его призрачной изнанки. Именно поэтому, повинувшись внезапному, будто подтолкнувшему под локоть наитию, я подошел к рабочему месту князя, закрыл глаза и коснулся столешницы. Пытаясь оживить образы воспоминаний.

Неожиданно получилось – словно в игре теней увидел, как призрачная фигура Анны Николаевны перемещается по кабинету, бережно упаковывая с собой некоторые вещи. До конца не досмотрел – в картинке образов Анна Николаевна выглядела усталой горящей женщиной. Не думаю, что она – всегда сильная, властная и внешне непоколебимая, хотела, чтобы кто-либо на нее смотрел в этот момент.

Мне даже сейчас показалось, что я теперь чувствую с ней определенное сродство – ведь мы оба инициированы в стихии Огня, которая сама по себе меняет людей. Немного... или не немного.

Оборвав свернувшие не туда на развилке ассоциаций мысли, несколько секунд я постоял, анализируя информацию. Увиденная картинка относится к той мелочи, которую я никак не могу уловить? Нет, не относится. Княгиня перееха-

ла, оставив усадьбу и род Анастасии, но забрала часть вещей мужа с собой. Неожиданно; она к нему раньше практически с ненавистью, а теперь... ладно, это уже ее личное и мне сейчас неважное. Отставить в сторону чужое белье – оборвал я временную связь восприятия сохранных здесь образов. Очень все это интересно, но сейчас не нужно.

Сейчас меня ждали дела насущные. Опомнившись, даже едва встряхнувшись, отходя от кромки границы призрачного мира, я подошел к шкафу. Замаскированные под стеновые панели дверцы обнаружил еще в последнее посещение кабинета, так что сейчас трудностей не возникло.

– Воу, – негромко произнес я, откатывая в сторону дверцу.

Одежда «папá» отсутствовала. Почти пустой шкаф – из гардероба Петра Алексеевича не осталось вообще ничего. А ведь в прошлый раз здесь висел целый набор – форма с младых лет, со времен учебы в гимназии и Пажеском корпусе, до службы в полку Синих кирасир. Видимо, среди прочего все мундиры забрала Анна Николаевна.

Зато, как и договаривались с Анастасией еще во время встречи в Мокром Батае, в шкафу лежали мои вещи. Два транспортировочных серых контейнера – полный комплект вооружения и индивидуальной экипировки пехотинца «Шевалье-6.3.1». С последней актуальной прошивкой, транспондером и опознавательными знаками отряда варлорда. И простая полевая форма – двойник той, в которой я был сейчас.

Только в отличие от моей целая, поэтому, не теряя времени, я переоделся.

И на ходу застегивая пояс, уселся в кресло, коснувшись сенсорной поверхности стола, активируя управленческое меню.

Мне нужно срочно связаться с Николаевым, а после с Самантой. Судьба портала в нижнем мире висит на волоске, потому что из защитников там сейчас три с половиной человека – их убрать минутное дело.

Николаеву собирался сообщить о произошедшем и попросить отправить к portalу подкрепление потому, что он мой мастер-наставник и навигатор. Но при этом держал в уме, что все произошедшее могло быть не просто ошибкой. Я вполне это допускал, держа в уме, что случившееся – часть чужого плана, из которого меня уже вычеркнули. И поэтому сразу после полковника собирался связаться с Самантой.

Принцесса, как и я, потенциально одна из самых сильных в мире одержимых. А это значит, что завтрашний день этого мира – или этого, или его нижних планов, принадлежит нам. И Саманта, во-первых, не заинтересована во вторжении демонов, которое повесят на нас, одержимых. Во-вторых, я за нее волнуюсь – вдруг атака была по всем фронтам; ну а кроме этого – на плато с порталом погибли гуркхи, которые пришли от нее.

Так что у меня есть сразу несколько причин, из-за которых не сообщить о произошедшем Саманте я не могу.

Но не удалось. В смятении, потеряв вообще все мысли на несколько мгновений, я смотрел во вспыхнувшее красной рамкой предупреждения голубое интерактивное окно. И показавшаяся там надпись даже заставила меня едва вздрогнуть.

Несанкционированная попытка доступа

Оставайтесь на месте и не пытайтесь покинуть место преступного проступка

Отличное начало дня – отстраненно подумал я, понимая, что меня лишили не просто управленческого доступа, но и вообще права нахождения на территории усадьбы Юсуповых-Штейнберг. Хорошо хоть Место Силы и алтарный зал – из-за инициации мною своего источника, остались доступны. Это совершенно иные силы, их щелчком тумблера не выключишь.

Кто виноват?

Иные силы – машинально мысленно повторил я возникшее только что определение. Иные силы... Могла озаренная Елена Николаевна при нужде отключить меня от источника? Думаю, да.

Если доступа меня лишила она, дело дрянь. С одним архидемоном я уже сегодня встретился, встречаться со вторым... не очень хочется. Тем более с тем, что несет Свет, даже имя

его в мыслях называть не хочу.

Но кроме озаренной, лишить меня доступа могла также или Анастасия, или Анна Николаевна, перед тем как отказаться от титула в пользу дочери. Анна Николаевна... для которой род превыше всего.

«Зачем ты спросил?» – вспомнил я вдруг недавние слова Анастасии. Сказанные о ее перспективе брачного союза с князем Андреем Юсуповым.

Допустим, Анастасия выходит замуж за Юсупова (а они не близкие родственники) и приобретает силу и влияние, достаточные для того, чтобы со временем стать истинной королевой Юга. Но добровольно за Юсупова она замуж не выйдет – я помню искренность ее эмоций. Эмоций в мою сторону, во время нашей последней встречи.

Могло это послужить мотивом для Анны Николаевны, как первая часть подготовки действий дискредитации моего положения? Вполне. Ответ на вопрос неочевидный, но в то же время удивительно стройный.

Значит, или меня отключила озаренная Елена Николаевна – что очень плохо, или Анна Николаевна – что вроде кажется лучшим вариантом. Тут хоть противостоящие силы понятнее.

Вся вереница этих мыслей пронеслась у меня меньше чем за пару секунд. Додумывал я уже на ходу, потому что на повестке не менее остро стоял очередной вопрос: «Что делать?».

Сам в этот момент, вернувшись к гардеробу, рывком вытащил транспортировочный контейнер с бронекостюмом Шевалье. Положил ладонь в специальную выемку, тут же почувствовав отклик – все отлично, работает. Прекрасно, хотя бы здесь без подставки. Крышка с мягким шипением разомкнулась, и я быстро откинул ее в сторону, преодолевая сопротивление гидравлических амортизаторов.

Облачаться в броню не стал. Потому что встроенная защита блокирует применение стихийной силы. А мне – без кукри и возможности телепортаций, учитывая отключение меня от доступа к управленческому меню рода, может стать совсем кисло. Так кисло, что может маячить вариант не устраивать разборки и задавать вопросы, получая на них ответы, а просто уносить ноги.

Из открывшегося, настроенного на мою биометрию транспортировочного контейнера я взял только блок визора. Отсоединил от наушника плотную таблетку и прикрепил ее слева на виске, а сам блок устроился за правым ухом. Активировав его нажатием, услышал легкое жужжание зуммера настройки.

Мгновение, мягкое сияние распознавания, и перед глазами появилась синяя полоска, показавшая в дополненной реальности расширенное командирское меню тактической сети. Еще буквально пара мгновений, и перед глазами замелькалидвигаемые взглядом интерактивные окна и панели меню из дополненной реальности. Несколько секунд, и вся

сводка действий отряда передо мной. По всем ста сорока пяти бойцам (включая меня), что присутствуют сейчас в Елисаветграде.

– Jesus Christ, – только и выдохнул я беззвучно, чтобы грязно не ругаться. Но не удержался и добавил пару фраз про бессердечную статистику.

Сухая информативная сводка, если уметь ее читать, может быть максимально говорящей. И по высветившейся перед глазами статистике действий отряда я понял, что несколько часов назад здесь, в Елисаветграде, было ненамного менее жарко по накалу соприкосновения с противником, чем недавно на плато в Инферно.

Мое появление в тактической сети между тем заметили. Я был главой отряда, но никаких оперативных командных функций себе не нарезал, поэтому о том, что я инициировался в активном состоянии, узнали всего два человека.

– Я в режиме наблюдателя, – дотронувшись до блока визора, сообщил я. – Работайте по плану.

– Вас понял, – коротко ответил Власов. Именно бывший князь был командиром семидесяти пяти человек, по договору нанятых от моего имени Анастасией. Тех самых бойцов, экипированных на средства городской администрации после того, как мы договорились об этом с княжной. Вернее, она уже тогда была княгиней Юсуповой-Штейнберг.

– Принял, – одновременно с Власовым произнес штабс-капитан Измайлов.

Вторую часть бойцов отряда, нанятых уже непосредственно мной, под мои задачи и только в моих интересах, возглавлял штабс-капитан Измайлов. Вернее, возглавлял он бойцов, нанятых не совсем мной – организовал все Николаев, ему труда не составило. После того, как за минувший после разговора с Машей Легран месяц Мустафа и двадцать рекрутов успешно прокрутили пару миллионов кредитов по африканским контрактам, повышая доступный лимит найма моего отряда.

Мое участие в наборе отряда было совершенно ограниченным, на уровне чтения докладов и отслеживания уровня прогресса. Зато именно я сформировал и претворил в жизнь идею зачислить в отряд варлорда приданных в мое охранение конфедератов во главе с Измайловым.

И в итоге «моя» часть отряда, кроме группы Мустафы, включила в себя семь конфедератов, «уволенных» из ССпН, и шестьдесят нанятых по протекции Николаева ветеранов – также все из Армии Конфедерации. Почти семь десятков элитных профессионалов – в этом мире, если не подниматься выше определенного уровня разборок, весьма внушительная сила.

Вот только эта самая внушительная сила, в нагрузку «усиленная» оставленными в этом мире Мустафой Васей-Ндабанингой и Гекденизом Немцем, сегодня контакта с противником не имела.

Бойцы Измайлова сейчас рассредоточились по периметру

усадыбы на подготовленных позициях. Прибыли они в поместье сегодня рано утром, после скрытного пересечения границы вольного города и довольно дерзкого марш-броска. И согласно статистике у них сейчас почти все в пределах базовых показателей – в том числе и нулевой расход боеприпасов.

В группе же нанятых городом бойцов, у семидесяти пяти человек, выступающих под штандартом моего отряда, все было гораздо печальнее. В общей статистике, включающей все сто сорок пять человек, находящихся в Елисаветграде, все это выглядело как двадцать девять процентов невозвратных потерь, сорок шесть процентов расхода носимых боеприпасов, при сорока трех процентах точности попаданий, а прогресс выполнения поставленных задач составлял семьдесят восемь процентов...

Расход боеприпасов, если вычленять эту группу как отдельный отряд, – почти под ноль. Невозвратные общие потери в тридцать процентов – это все потери именно первой части отряда. Сорок два погибших. Из семидесяти пяти. Если еще считать выбывших по ранению, то в боеспособном состоянии сейчас осталось всего одиннадцать бойцов. Причем в относительно боеспособном состоянии – метки в тактической сети у всех желто-красные, ни следа зеленого цвета, указывающего на близкие к норме показатели.

Просто невероятная ситуация для локального конфликта – в этом мире давно отучились воевать подобным образом,

чтобы рубиться на смерть, в кровь и кости. Учитывая наличие у каждого бойца реанимационных систем по типу холодного сердца, этику ведения войны и остальные местные нюансы – либо часть моего отряда сознательно и целенаправленно уничтожали в одну калитку, либо сегодня в Елисаветграде было очень жарко.

Вот только что вообще бойцы моего отряда делают в городе? По нашему с Анастасией договору, они должны выполнять функции охраны поместья Юсуповых-Штейнберг, это черным русским по белому бумажному прописано. А почему-то вместо этого участвовали в городских боях. Может быть, это тогда Анастасия, чтобы юридически обойти наше соглашение, изменила мой статус в роду?

Вновь вереница мыслей пронеслась у меня в считанные мгновения. Я за это время уже пролистал интерактивную стопку непрочитанных сообщений, докладов и донесений, среди которых увидел сообщение от Анастасии.

«Артур, мог бы и предупредить о сюрпризе, я о подкреплении бешеной роты. Спасибо, очень вовремя – группу Садыкова забрала в ратушу. Вопрос жизни и смерти, прошу понять и простить».

Мою группу Садыкова? – вообще не понял я сначала, о чем речь. А, ну да. Формально нанятой городом частью «моего» отряда командует Власов, но в оперативном подчинении бойцы у бывшего поручика ССпН Марата Садыкова. Который, как и бывший князь, за последнее время явно стал

доверенным лицом юной княгини.

И кстати. Власов ведь находится в усадьбе Юсуповых-Штейнберг – понял я, в дополненной реальности продолжая анализировать статистику и статус отряда. Сейчас как раз в очередной раз вывел перед глазами рельефную карту местности и увидел сразу два отличных от других маркера – метку Измайлова, который в данный момент находится в углубленном командном пункте в одном из хозяйственных корпусов, и Власова – единственного из состава городской части «моего» отряда находящегося в усадьбе. И судя по маркеру местоположения находится он в рабочем кабинете Анны Николаевны. Как раз в том, где мы – кажется, это было так давно, вместе с Валерой и Анастасией совещались, как будем его убивать.

От обилия воспоминаний, цепочек ассоциаций, входящей информации и необходимости не только ее проанализировать, но и в самые кратчайшие сроки понять, что именно мне может прямо сейчас грозить, голова буквально загудела. При этом еще и времени на раздумья немного – о моем появлении, после несанкционированной попытки доступа, уже наверняка знают все заинтересованные лица. Те, кто могли этот самый доступ и обрубить.

– Артур! – раздался вдруг звонкий голос в переговорнике. Легка на помине. И полминуты ведь еще не прошло, как я пытался активировать управленческое меню.

– Я.

– Наконец-то ты пришел, – с явным и, как мне показалось, неподдельным облегчением произнесла Анастасия. – Ты будешь в усадьбе ближайшие четверть часа? Мне очень нужно тебя увидеть.

– Жду, – коротко ответил я. Спрашивать Анастасию о лишении доступа сейчас не стал и даже не собирался. Даже если это она меня отключила, вряд ли признается. Об этом, для того чтобы узнать правду, нужно спрашивать глаза в глаза.

Анастасия между тем сразу – не размениваясь на прощания, отключилась.

В тактической сети отряда варлорда она не присутствует. Значит, ей пришло оповещение о попытке несанкционированного доступа или о моем появлении юной княгине доложил Власов. Тем более что связывалась она со мной через него, как понимаю.

Вот с ним и поговорим в первую очередь. Если, конечно, по пути меня не перехватит озаренная Елена Николаевна. Давно ее не видел. И столько же еще бы не видеть.

Но прежде нужно было сделать еще кое-что. Четверть часа, сказала Анастасия...

Глянул на часы. Время – 09:59. Отлично, сейчас на стадионе в Питере команды как раз должны на арену выходить. Смахнув в дополненной реальности вообще все окна и элементы интерфейса, чтобы не получить обрыв связи в ненужный момент, оставил только одно окно. И, найдя в списке контактов Николаева, отправил вызов.

Полковник в прямом доступе отсутствовал. Вообще – даже запрос на вызов не получил статус доставленного, повиснув в ожидании.

Коротко выругавшись, не сдержавшись, я попытался связаться с Самантой.

Принцесса в прямом доступе отсутствовала. Как и Николаев – запрос на вызов также не получил статус доставленного, повиснув в ожидании доставки адресату.

– Да как так-то? – на грани бессильной паники произнес я.

Вытащил два списка контактов и быстро – уже руками, на виртуальной клавиатуре дополненной реальности, настучал два сообщения.

«Вокруг реально блудняк какой-то, будьте внимательны и берегите себя».

Оба сообщения ушли и были мгновенно доставлены. Но не прочитаны – что неудивительно, и Эльвира, и Валера сейчас на арене стадиона «Санкт-Петербург», участвуют в приветственной церемонии. Поэтому вызвать их на разговор даже и не пытался.

Покинув осиротевший кабинет Петра Алексеевича, я дошел – очень быстро, до бывшего рабочего кабинета Анны Николаевны, в котором находился Власов. Бывший князь здесь был не один – в помещении присутствовал ординарец в форме службы безопасности рода Юсуповых-Штейнберг. Совсем молодой парнишка, явно оставили здесь, в поместье, чтобы не сложил бездарно и зазря голову в городских боях.

– Ваше благородие, – формально приветствовал меня Власов, чуть склонив голову.

Лицо осунувшееся, под глазами темные мешки, во взгляде смертельная усталость. Так смотрят практически не спавшие несколько суток люди, которые уже перешагнули через усталость и действуют в режиме роботов.

– Михаил Сергеевич, – кивнул я в ответ, с интересом взглянув на его мундир.

Бывший князь, хоть и зачисленный в мой отряд варлорда, был в стандартной для Русской императорской армии военно-полевой форме армейских священников. Принадлежность к отряду была обозначена только нарукавной нашивкой с серым щитом и черной головой желтоглазого волка.

Небрежно сброшенный бронекостюм, со следами гари и вмятинами, валялся в углу помещения. Находившийся здесь ординарец как раз приводил броню в порядок, но с моим появлением кабинет по взгляду Власова покинул.

– Ситуация? – едва за ординарцем закрылась дверь, спросил я.

Спрашивая, я бросил взгляд на многочисленные экраны с телеметрией, отражавшие статистику сил собственных и наемных отрядов городской обороны. Судя по теням первоначальных статусов, ситуация со всеми вооруженными силами Елисаветграда была аналогична той, в которой оказались бойцы моего отряда. Эти выводы подтверждала и передаваемая сразу с нескольких беспилотников живая панорамная

картина улиц, отображенная с высоты птичьего полета.

Город горел. Густые и вязкие черные столбы поднимались в безоблачное серое небо. В основном дымы концентрировались в центре, но отдельные столбы тянулись и по окраинам – сосредоточившись вокруг некоторых объектов, таких как гимназия. Сейчас полностью разрушенная – оценил я развалины на месте главного корпуса.

Разрушения не обошли и центр города. Мост через Ингул, центральные улицы, торговый пассаж – все превратилось в постапокалиптический пейзаж, повсеместно затянутый черным маслянистым дымом.

– Ситуация стабилизируется, – между тем в ответ на мой вопрос коротко произнес бывший князь, а ныне священнослужитель и доверенное лицо юной княгини Юсуповой-Штейнберг.

– На минуту отвлечься сможете? – кивнул я на экраны.

– Да. Теперь да, – тяжело вздохнул Власов.

– Я издалека и не знаю даже, с чего началось и чем продолжилось. Введите в курс произошедшего, пожалуйста.

Власов посмотрел на меня, вздохнул и кивнул. Коснувшись сенсорной панели, он отдалил панорамную картинку города, дополнив ее голограммой, которая расцвела синими и красными стрелками и блоками с хронологией действий атакующих и обороняющихся.

– Сегодня, в три часа утра, без предъявления каких-либо претензий к городскому правительству...

Я в этот момент вспомнил не только голос Левитана – очень уж похожая формулировка использовалась Власовым, но и свое утреннее пробуждение. И время на часах: «03:06». Значит, и в Нижнем мире, и здесь атака началась скоординированно, в одно и то же время. Власов между тем продолжал говорить, в хронологии рассказывая ход разворачивающихся утром событий.

В атаке на силы городского правительства участвовали только наемные и личные боевые отряды клана Разумовских. В самом начале добившиеся определенного успеха. Без лишней крови и потерь интервентами была занята гимназия, захвачены аэропорт и вокзал, заняты три из четырех отделений полиции.

Нападающие практически без выстрелов сумели блокировать в казармах и принудить к сдаче две вольные роты, в результате чего полностью перехватили оперативное преимущество. Соппротивление силы городского правительства, нападением врасплох не застигнутые, но упустившие стратегическую инициативу, сумели оказать лишь в ратуше. С ходу здание администрации отрядам Разумовских захватить не удалось, а за здание, оставшееся практически последним рубежом обороны, разгорелся нешуточный бой.

Едва в городе начались перестрелки, на улицы – ближе к пяти утра, вышли патрули из юнкеров кавалерийского училища. Они действовали как представители Русской императорской армии, для обеспечения порядка и защиты жизней

мирных жителей.

Присутствие имперских военных в роли наблюдателей, несмотря на жестокость разгорающихся локальных стычек, удержало столкновение в рамках стратегических точек оборонны. Но лишь на некоторое время – после того как в дело вступили одаренные, сразу в нескольких местах были применены массированные удары с концентрацией стихийной силы. Первый в здании ратуши, сразу наполовину разрушенном, и второй – что оказалось для меня вдруг совершенно неувидительным – на железнодорожном вокзале. Именно в нем, в ячейке камеры хранения, лежали записи Марьяны, до которых у меня не хватило ума, времени и возможности добраться.

К восьми утра весь центр города превратился в огненный ад. При этом усадьба Юсуповых-Штейнберг не привлекла внимания атакующих вообще. Говоря об этом, Власов действительно был удивлен – именно усадьба предполагалась защитниками одним из основных пунктов для захвата, и именно ее охрана была многократно усилена. Нападающие же просто проигнорировали гнездо рода Юсуповых-Штейнберг.

Власов между тем еще сильнее удивился, когда я в ответ на его слова согласно кивнул – ведь если бы не защитники плато, понятно, что происходило бы здесь параллельно с выплеснувшимся на улицы Елисаветграда столкновением. Бывший князь моему спокойному кивку удивился, но пере-

спрашивать не стал, продолжив кратко вводить в курс дела.

Когда центр города превратился в поле боя, нападающие бросили в бой резервы из прошедших инициацию молодых гимназистов. И именно в этот момент Власов – после разрешения Анастасии, пользуясь тем, что в усадьбу прибыли уже «мои» семьдесят человек во главе со штабс-капитаном Измайловым, повел «свой» отряд на защиту городской ратуши.

Ратушу отстояли, но победителей не было. Потому что четверть часа назад на территорию вольного города – уже бывшего вольного города Елисаветграда, вошли силы Русской императорской армии. С недвусмысленным требованием ко всем участникам конфликта сложить оружие.

Часть из сражающихся это требование ожидаемо «не услышала» и была уничтожена. Когда я увидел развалины, оставшиеся на месте железнодорожного вокзала и окрестностей, я снова не удивился, что большинство «не услышавших» требование прекратить огонь и сложить оружие находились именно там.

– И... – произнес я, когда Власов замолчал, подводя итог. – Получается, все закончилось?

– Все только начинается, – усмехнулся бывший князь. И жестом вывел на экран увеличенную картинку в реальном времени. Видео передавалось с беспилотников, в этом ракурсе позволяя оценить всю панораму событий.

Сквозь местами застилающий изображение дым на улицах была видна многочисленная бронетехника и группы пат-

рулей императорской армии. Но кроме видимых на земле имперцев, боевые машины присутствовали и в воздухе. Десятки звеньев проходили на бреющем полете над городом, пролетая сквозь черный вязкий дым. Это были не только военно-транспортные конвертопланы, но и штурмовые машины.

Дополненная реальность и доступ Власова позволяли их идентифицировать. Как раз сейчас над городом шли черные транспортные конвертопланы с угловатыми белыми черепами. Эмблема Александрийского бронекавалерийского полка, бессмертных гусар. Или «охотников за магами», как их иногда называли. И проходящие над городом машины не приземлялись, а исчезали вдаль. Направляясь в сторону... Да, в сторону польской границы. Вернее, в сторону новообразованного Галицко-Волынского княжества.

– И что начинается? – сдержанно спросил я у Власова.

– Насколько могу судить, для начала мы можем в реальном времени наблюдать исторический процесс возвращения земель вольных княжеств под столичное управление. С потерей всей территорией Юга России статуса Вольницы, конечно.

– Для начала?

– Да.

Власов в несколько движений уменьшил масштаб изображения, и вывел на экран подробную политическую карту региона. Где мгновением позже высветились территории наци-

онального клана Разумовских.

– Клан Разумовских определенно объявят инициатором боевых действий, спровоцировавших превышение уровня допустимо применимой агрессии и приведших к гибели мирных жителей. И его, как национальный клан, элиминируют, а земли заберут под императорскую руку. Отдадут конфискованное, предполагаю, Анне Николаевне – она ведь урожденная Разумовская. Она же, думаю, станет и княгиней Разумовской – декоративный клан Штейнберг нужен был как ширма лишь для того, чтобы было кого показательно элиминировать и с другой стороны конфликта. Раздав, так сказать, всем сестрам по серьгам.

– Я в политике не специалист, но даже мне казалось, князь Григорий Разумовский не настолько прост, чтобы попасться на такой примитивный развод.

Власов в ответ лишь коротко рассмеялся.

– Правильно казалось. Князь Григорий неделю назад на совете клана был отстранен от занимаемой должности. Сейчас он в Варшаве и в скором времени, думаю, возглавит что-либо по типу регентского совета при молодом князе Галицко-Волынском. Знаешь, – погруженный в раздумья Власов даже не заметил, что перешел со мной на ты, – мне кажется, что вся эта история даже больше не про возвращение Вольницы под столичное управление и не про начало экспроприации Императором земель и прав у национальных кланов. Это все, – показал на полуразрушенный горящий город Вла-

сов, – скорее больше про Польшу.

При чем здесь Польша, я не сразу понял. Но догадался очень быстро – не зря уже столько времени посещаю лекции по геополитике.

– Русские приходили в Польшу править в восемнадцатом, девятнадцатом и двадцатом веке... – протянул я, начиная понимать истинный смысл происходящего.

– Ну, в двадцатом веке ненадолго и факультативно, – вставил Власов машинально.

Ну да, в этом мире Второй мировой и Восточного блока не было, что-то я с этим увлекся. От волнения, видимо.

– ...Но в общем ты прав. И с большой долей вероятности русские придут в Польшу и в веке двадцать первом. Уже стучатся в предместья, если быть точным: Армия Конфедерации полчаса назад блокировала Лемберг, а имперские гвардейские полки десантировались в Высоком Граде. В захваченном русской армией Республиканском дворце сейчас идут переговоры русских, британцев и поляков. В результате которых, предполагаю, Галицко-Волынское княжество перейдет под руку русского царя на правах широкой автономии. Став новой Вольницей.

– При чем здесь Польша?

– При том, что часть территорий, входящих сейчас в Речь Посполитую, исторически являются неотъемлемой частью Галиции и Волыни. К примеру, тот же Лемберг – думаешь, если русская армия туда вошла, она оттуда самостоятельно

уйдет?

– То есть князь Григорий Разумовский, который потерял все земли и власть в Вольнице, изначально действует по договоренности с русским царем, а в перспективе приобретет взамен потерянному здесь в Речи Посполитой?

– Определенно. Но наверняка не сразу. Предполагаю, что это следующая часть разыгрываемой партии.

Некоторое время помолчали. Глядя на горящий город, я думал о том, что, будучи занят интересом к своей персоне, часто задумывался, почему российский царь хранит молчание, появившись лишь однажды. И почему не вмешивается в столь громкие и масштабные разборки. А оказалось, что «громкие» разборки для него, в моменте, – ничего не значащая возня на окраине интересов Империи. И сам царь в это время решал более глобальные вопросы. Заплатили за решение которых обычные солдаты, рядовые одаренные, наемники и мирные жители – посмотрел я на горящий разрушенный центр города.

Для того чтобы не сказать лишнего, я даже поднял кулак и прикусил указательный палец. И ведь разыграна эта часть партии идеально – по результату. По получившемуся результату. Потому что я ведь еще не знаю, появившаяся в долине Инферно Орда – это часть плана или, как предположил Андре, чья-то ошибка. И перстни Юсуповых, импланты неацапиантов Некромикона и нашивки пленников могут стать весомым аргументом. Вот только аргументом в споре кого с

кем?

Вопрос этот для меня сейчас определенно вопрос жизни и смерти.

– Единственный не очень понятный мне глобальный момент – это каким образом участвует во всем происходящем клан Юсуповых, – произнес между тем Власов. – Они ведь полностью остались в стороне.

Вспомнив разрушенный круг контролеров, созданный одаренными клана Юсуповых, я только усмехнулся. Вот он и ответ, почему ранг создававших защитный купол был относительно невысок. Потому что вся верхушка клана, как понимаю, от управления в результате «отставки», выполненной зеркально с отставкой князя Григория Разумовского, также самоустранилась и наверняка также в ближайшее время переезжает в Галицко-Волынское княжество.

В сказанной только что фразе Власова меня, кстати, что-то царапнуло.

– Глобальный момент? – переспросил я, с небольшим опозданием осознав, что именно зацепило.

– Да.

– А есть еще момент не глобальный?

– Конечно. К примеру, мне не совсем понятно, зачем здесь они, – отдалил панорамное изображение города Власов, так что голограмма превратилась в рельефную карту местности. И бывший князь сейчас указывал на город Бобринец, расположенный менее чем в полусотне километров

от Елисаветграда.

– Они – это кто? – ровным голосом спросил я, видя обозначения частного воинского подразделения. Подлетное время которого, исходя из метки тактической сети, до усадьбы составляло семь минут, до центра города – десять.

– Псы, – пояснил Власов. Он сделал легкое движение рукой, и у пометок с расположением частной армии инквизиторов появилась знакомая эмблема – белый глаз с веками из черных языков пламени.

– Прибыли в Бобринец сегодня ночью одновременно с началом атаки, но в сражении за город участия не принимали, – договорил Власов. – Что? – переспросил он, не услышав сразу мой тихий комментарий.

– Пока не принимали, – негромко повторил я. – Михаил Сергеевич.

– Да.

– Помните, когда-то давно вы участвовали в нападении на усадьбу, едва не увенчавшемся успехом.

– Да.

– Помните, в ходе последующего разговора вы сказали мне, что подозреваете кого-то в том, что на меня натравили низшего демона незадолго до состоявшегося нападения.

– Да.

– Кто это был, по-вашему?

– Предполагаю, ваш на тот момент мастер-наставник Максимилиан Иванович фон Колер.

– Почему вы так думаете?

– Я, как вы напомнили, участвовал в нападении на усадьбу. Мои действия были скоординированы по времени с атакой союзных иных сил. И координация эта происходила именно через барона Максимилиана Ивановича фон Колера.

– И он же якобы открыл портал для демонов... – задумчиво протянул я.

– Для демонов? – переспросил удивленный Власов.

А у меня в этот момент полностью сложилась картинка происходящего. И я понял, что именно меня тревожило все это время. Та самая деталь, которую я никак не мог зацепить, оформилась пониманием именно тогда, когда я перестал думать в предполагаемую сторону, сосредоточившись совершенно на другом.

И вот он тот самый цепляющий момент, что не давал мне покоя, но при этом не попадаясь в силки ищущего разума. Воспоминания у алтаря, пережитая смерть Варвары Островской – и безликие, белесые тени ее палачей. Словно высвеченные. И ослепление после взрыва купола – я ведь потерял зрение после вспышки света!

Во время нападения на усадьбу озаренная Елена Николаевна наложила на меня Щит Света. На меня, одержимого. Который – Щит Света, помог мне избежать внимания прибывших на огонек фээсбетменов.

И ведь после действий озаренной я даже не подумал, что Свет и Тьма могут действовать вместе. Так почему же не мо-

гут действовать вместе Люцифер и Баал? Объединившись против Астерота, который в этот мир пришел определенно против их воли, пожелав диктовать здесь свою волю?

Псы Господни, цепные псы инквизиции, ожидают сейчас на расстоянии в семь минут. И, если бы демоны хлынули через портал, давным-давно бы уже были здесь, подобно Воинам Света защищая этот мир от инородной темной заразы.

Как все просто – нападение демонов, такое массовое, в первую очередь выгодно озаренным. Потому что позволит сразу и качественно избавиться от конкурентов из числа одержимых.

Власов между тем говорил что-то еще, но я прервал его взмахом руки.

– Уходите.

– Что? – не понял проглотивший окончание так и не услышанной мною фразы бывший князь.

– Уходите отсюда, и как можно скорее, – произнес я ровным голосом. И только сейчас почувствовал чужое присутствие позади.

Как я не услышал открытой двери? Как она вообще преодолела системы защиты?

С последним понятно как – это ее усадьба, она здесь главная. Она и лишила меня управленческого доступа. Но вот почему я не почувствовал ее приближения?

Обернувшись, столкнулся взглядом с Еленой Николаевной. Озаренной, которая сейчас смотрела на меня впол-

не обычными человеческими глазами. Зелеными, кстати. Очень красивыми.

И еще Елена Николаевна улыбалась. Обычной человеческой улыбкой. В которой, правда, не было ни грамма веселья. Но улыбки – это ведь не только про приятные чувства и эмоции. В ее улыбке читались настоящая грусть и сожаление.

В тот момент, когда наши взгляды встретились, глаза Елены Николаевны заволкло белесой пеленой, тут же налившейся внутренним сиянием. А я понял, что упустил момент закончить все не начиная. Потому что сейчас уже быстро и превентивно ее убить у меня не получится.

Глава 2

Взгляд белесых, подсвеченных сиянием глаз Елены Николаевны был направлен на меня. Но первое ее движение нет. Легкий взмах рукой, и Власов исчез в фокусе яркой вспышки света.

Я в этот момент уже действовал, при этом наблюдая происходящее со стороны. С долей удивления – просто не ожидал, что озаренная атакует не меня. Ощущение, как будто впустую размахнулся; краем глаза я увидел, как бывший князь стоит с поднятым крестом, словно стараясь защититься им от нестерпимого, выжигающего все сияния. Кожа Власова, в скольжении мне это было хорошо и подробно видно, покраснела и вздулась пузырями ожогов, словно пластик под сильным жаром. Его истошный, впечатавшийся в сознание крик невыносимой боли стоял у меня в ушах еще несколько долгих мгновений после того, как я уже покинул кабинет.

Да, выходил я из кабинета не через дверь, во время гибели Власова сделав одновременно две вещи – левой рукой, безоборотным броском снизу, запустил в озаренную самую простую огненную стрелу. Правой же швырнул кукри, вкладываясь в бросок и разгоняя его скольжением. Вот только кукри полетел не в сторону озаренной противницы, а в стену. Пробив перекрытие, тяжелый нож оказался в спальнях покоях Анны Николаевны. В них я никогда не был, но знал

по плану здания, что они здесь располагаются.

Едва материализовавшись в полете после телепортации, я уже бросил клинок в следующую стену, стараясь как можно быстрее удалиться максимально дальше от озаренной. Но не успел – в тот самый миг, когда рукоятка сорвалась с моей руки, в преддверии вспышки света в помещении появился первый, только формирующийся луч, встающий на пути клинка.

«...!» – только и успел выговорить я, когда все вокруг заполнило обжигающее сияние. А потом пришла боль, выжигая все мысли и чувства. Свет заполнил все вокруг, став единственной частью мира, целой вселенной, а после вдруг скругляясь, и наконец сконцентрировался в совсем небольшом участке – и я понял, что стою невредимый в кабинете, который только что покинул. Глядя в белесые глаза, в которых сейчас осталось выжигающее за миг до этого все вокруг сияние Света.

Взгляд наполненных сиянием глаз Елены Николаевны снова был направлен на меня, а живой Власов стоял рядом. Озаренная, только что убившая и его, и меня, сразу после этого вернувшая течение времени вспять, в этот раз действовать сразу не начинала, а выждала целую секунду. Давая мне время осмыслить произошедшее. При этом она внимательно смотрела на меня и определено чего-то ждала.

За эту лишнюю, отличную от прошлого раза секунду Власов успел выхватить пистолет из набедренной кобуры. Сле-

лал он это, скорее всего, машинально, просто кожей чувствуя разлившуюся в воздухе опасность. Уже знакомый легкий взмах рукой, и бывший князь опять исчез в фокусе яркой вспышки света, из которой вырвался истошный крик боли.

Озаренная действовала быстрее меня. Намного быстрее – как я буду действовать против одержимого-новичка, только-только освоившего первый уровень техники скольжения, ускорения времени.

Но лишний миг, когда Власов, захлебываясь криком, исчезал во вспышке сжигающего света, у меня был. Снова левой рукой, безоборотным броском снизу, запустил в озаренную огненную стрелу, а правой швырнул кукри, вкладываясь в бросок и разгоняя его скольжением. Снова клинок пробил стену и снова оказался в спальнях покоев Анны Николаевны. Я повторял всю уже раз выполненную последовательность действий, и после второго броска на пути кукри так же возник рождающийся луч света.

Повторять одно и то же действие в ожидании изменения результата – глупо. Поэтому тянуться к клинку я и не стал. Так и продолжал движение – а появившись в комнате, я бежал в сторону широкой кровати с балдахином. Даже более того, ускоряясь насколько можно, я рыбкой нырнул вперед, словно прыгающий головой на низколетающий мяч футболист. Извернувшись кульбитом, схватился за кровать и вместе с ней, поднимая ее словно щит, ломая изящные держате-

ли балдахина, врезался в стену.

Яркая вспышка ударила даже сквозь закрытые глаза. Кровать серьезной защитой для всесжигающего Света не стала – обратившись в пепел праха практически сразу. Но я опять успел в самый последний момент. Сформировав огненный шар, швырнул его себе прямо под ноги. Комок огня, сжигая все вокруг себя, взорвался, разлетаясь хлопьями раскаленной лавы. Не причинявшей мне вреда, как владеющему стихией. И вместе со сгоревшими перекрытиями я рухнул вниз, в небольшой обеденный Красный зал. Где меньше чем полгода назад впервые ужинал с «новой семьей» – Анной Николаевной, Анастасией и младшими Николаем и Александрой.

Рухнул вниз, скользя по стене, собирая развешанное холодное оружие и щит с гербом Юсуповых-Штейнберг. Щитом этим, кстати, и укрылся – сверху, еще шире пробивая дырку в перекрытиях этажа, рухнул сияющий молот, сотканный из белесого живого огня.

– Да что за... – только и выкрикнул я, вновь оказавшись среди сияющего и обжигающего света. Слезала прожигаемая до костей кожа, пропало зрение, а истошный вопль так и остался в сожженной горле. И утих вместе с выдохом, когда я вновь осознал себя стоящим в кабинете Анны Николаевны, глядящим в пустые белесые глаза ее озаренной сестры.

– Ты уверен, что в следующий раз не умрешь по-настоящему? – ровным голосом произнесла она, легко пожав плечами. – Ты же знаешь, что нужно делать, – после короткой

паузы пугающе безэмоционально улыбнулась озаренная.

Я действительно знал. И уже инстинктом, тем самым глубинным разумом предков понял, что живу в растянутом во времени моменте смерти. Озаренная сейчас как крутящий пластинку диджей может раз за разом возвращать время к этому моменту, закольцевав событие в ленту Мебиуса.

Для того чтобы вырваться из этого круга, у меня была очевидная возможность – потянуться к Тьме. К силе, противоположной Свету и от этого максимально сейчас действенной. Но тем же самым инстинктом и глубинным разумом, памятью ДНК, я понимал, что этого делать нельзя ни в коем случае.

Нет, не только инстинкт и глубинный разум – меня практически незаметно удерживало от этого касание ангела-хранителя. Незаметное и неосязаемое – если бы я сейчас не стоял на самом пороге смерти, с обострившимися до предела чувствами, я бы его и не ощутил.

Вдруг загремели выстрелы, взвились в воздух золотистые гильзы – Власов выпустил весь магазин своего автоматического пистолета одной очередью. Конечно, безо всякого эффекта – небрежно поднятая рука, и все восемнадцать пуль остановились, сплющиваясь о невидимую стену щита. Остановившаяся в полете пули Елена Николаевна посмотрела на меня и вдруг фирменным жестом рода вопросительно подняла левую бровь. Так делали и Анна Николаевна, и Анастасия – но у них этот жест выходил естественным. На лице же

потерявшей человеческое обличье озаренной подобное выглядело страшно. Страшнее, чем все вместе взятые фильмы ужасов, созданные мировой культурой.

– Охлади свое траханье, углепластик, – неожиданно даже для самого себя ответил я одаренной.

От этого произнесенного вслух, древнего как шерсть якутского мамонта мема из игры GTA из другого, моего мира, по-моему, удивилась даже сама местная кора мироздания.

Вновь синхронный бросок огненной стрелы и кукри, снова мелькание падающего балдахина в спальне Анны Николаевны и очередное падение вниз, в «Красный» обеденный зал. Только в этот раз в падении за щит Юсуповых-Штейнберг я не хватался. Но падающий сверху налитый сиянием молот рухнул неотвратно и, по-моему, даже быстрее, чем в прошлый раз.

Опять меня обожгло всежигающим светом, начала плавиться и лопаться пузырящаяся от ожогов кожа, и рванулся из груди крик боли. Но вырвался он только тогда, когда я возник в алтарном зале и врезался в камень алтаря, рухнув в резервуар с чистой энергией.

Когда Елена свет Николаевна обрушила на меня сияющий светом молот, я в падении – за миг перед ударом, успел метнуть кукри. Только перемещался этим броском не в пространстве короткой телепортации, а потянулся к маяку алтаря.

Блаженство избавления от боли было настолько сильным, что я едва не лишился сознания. И на этом моменте потерял целый миг, с трудом взяв себя в руки, понимая, что прошел по самому краю. Выскочив из резервуара, я встряхнулся, приводя мысли и чувства в порядок, но даже так не в силах был избавиться от состояния кратковременного, но самого настоящего счастья.

Выжил. И выбрался из одной ловушки.

– Не в этот раз, – даже произнес я от избытка чувств.

Отсрочил неизбежное я, впрочем, совсем ненадолго. И сейчас, чувствуя, как уходят ценные мгновения, лихорадочно думал, что делать. Что делать, если не получится убежать снова.

Вариант первый – дать себя убить. Вот так просто. Дать себя убить и уйти в Изнанку. Вот только я не знаю, смогу ли возродиться после сжигающей все вокруг себя силы Света – для меня, как одержимого, она может быть истинно смертельна.

Вариант второй – вернуться в начало событий и самому себя убить. Пистолет в руке Власова – отличный вариант, главное успеть. И, оказавшись в Изнанке, я смогу подождать сколь угодно времени и после возродиться у алтаря рода. Который – тут же мелькнула мысль, может взять под долговременный контроль озаренная.

И вариант третий – попробовать убить противницу с помощью моих способностей.

Но этот вариант я отбросил сразу, на интуитивном уровне. Использовать Тьму против озаренной я не собирался ни в коем случае. Мои это мысли были или внушенные определенно находящейся сейчас совсем рядом Елизаветой, ангелом-хранителем, я не знаю. Но даже если эти мысли в моей голове вложены чужой волей, я не могу допустить, чтобы все, кто умер сегодня ночью на плато в Инферно, погибли зря.

Даже если у меня получится убить озаренную, это станет лишь прелюдией – не зря псы инквизиции сидят на расстоянии семи минут подлетного времени. Они здесь затем, чтобы остановить прорыв демонов. Свершившийся по вине, как, предполагаю, скажет официальная версия, увлекшихся освоением темных искусств одержимых.

Прорыва демонов нет, но Тьму инквизиторам получить нужно. Если я сейчас попробую использовать свое умение в темных искусствах, то для того, чтобы на равных противостоять озаренной, мне нужно будет шагнуть далеко за предел своих возможностей.

И даже если я смогу после этого сохранить не только разум, но и человечность, для того чтобы ее разобрать, мне придется устроить тут филиал ада. Здесь в любом случае, при любом исходе нашего поединка окажется просто море Тьмы, чистой и первозданной. Которая оставит слишком «громкие» следы – это не пара клинков Тьмы, которыми я оперативно делал двери в стенах небоскреба Некромикона, когда мы принесли туда праздник вместе с Валерой.

И эти следы, я уверен, будут не просто замечены, а тщательно задокументированы еще до того, как в дело сможет вмешаться Николаев, который сейчас находится на стадионе «Санкт-Петербург» в Санкт-Петербурге, где проходит финальный матч турнира на приз принца Ольденбургского. Если Николаев вообще имеет намерение в происходящее вмешаться.

Прорыва демонов здесь сегодня не случилось, и именно поэтому в дело вступила озаренная Елена Николаевна. Которая либо меня убьет – сделав со стороны Люцифера то, что не удалось совсем недавно Баалу, либо вынудит использовать против себя силу Тьмы.

Этот вариант я отмел, но понимал, что без использования темных искусств против озаренной мне будет определено кисло. Поэтому, приняв решение, погрузил руки в алтарь рода и потянул в себя стихийную силу.

Возможности одаренных ограничены размером Источника – именно поэтому у Анастасии на спине татуировка с живым драконом, в которую она может закачивать силу дополнительно. И именно поэтому я думал сейчас, что черпну из хранилища алтаря совсем немного. Немного, но хоть что-то – победа иногда слагается из мелочей. Но как оказалось, объем моего Источника уже превышал все мыслимые значения – резервуар алтаря просто осушился, а вся накопленная в нем энергия оказалась у меня.

– Воу-воу-воу, – выдохнул я, ощутив себя буквально пла-

вающим в океане силы. И чтобы не быть захваченным потоком эйфории, серьезное усилие мне понадобилось, чтобы взять себя в руки.

Зачерпнутая сила бурлила в энергетических каналах, просясь наружу. И, если бы не мой уровень контроля, отточенный при занятиях темными искусствами, я давно бы превратился в огненного аватара и сжег бы сам себя.

Когда выскочил в кабинет Петра Штейнберга из двери с четырехлучевой, путеводной звездой Люцифера, я был полон сил и энтузиазма, но еще не знал, что делать – сражаться или убежать.

Впрочем, выбора у меня особого и не было – озаренная уже оказалась рядом. Я ее не видел, но чувствовал присутствие. Буквально кожей. Елена Николаевна приближалась по широкому коридору, ведущему в холл особняка. И, предвзя ее появление, двери кабинета вышиб сияющий молот, сметая не только створки, но и часть стены.

Это было быстро и смертоубийственно. Но я уже не был ягненком на заклании – инициатива нашего первого столкновения была озаренной утеряна, а вместе со мной была сила иссушенного родового алтаря. И пусть озаренная по-прежнему двигалась быстрее меня, но она уже не опережает мои действия на целый шаг.

Мы уже почти на одном уровне – и пусть я чуть медленнее, но все же могу что-то ей противопоставить. Как в футболе, когда, каким бы быстрым нападающий ни был, защит-

ник – если умеет видеть поле и выбирать позицию, всегда может его остановить.

Другое дело, что поля я не видел, да и с выбором позиции проблемы, так что мне оставалось полагаться только на удачу. И не останавливаться. Поэтому, когда створки двери вылетали, я уже выходил прочь вместе со стеной кабинета, вынеся ее огненным метеоритом. Запущенным прямо в пустое выцветшее место на стене – туда, где раньше висел портрет Петра Алексеевича, который сначала надолго сняли, после ненадолго повесили и недавно снова сняли.

Вылетая в обломках кладки и штукатурки, среди бушующих языков пламени, я проскочил мимо стены с оружием. И машинально схватил буквально просящийся в руку клинок – кавалерийскую шашку с вороненым клинком и золотым рисунком златоустовской гравюры. Именно она и привлекла мое внимание – шашка походила на саблю, которой мы пускали себе кровь вместе с Эльвирой и Валерой во время ритуала Кровавого союза.

Мне сейчас нужен был якорь для огненной плети, и длинный вороненый клинок подходил как можно лучше. Огнем я владею далеко не так хорошо, как Тьмой, и концентрацию без привязки к своему телу удерживал хуже – пустой, сотканый лишь из стихийной силы Огненный клинок, аналог Клинка Тьмы, у меня пока не получался должным образом.

С якорем же в виде шашки все получилось отлично. Конструкт удался на славу – огненная плеть обратным ударом

сорвалась с клинка, утолщаясь и не замечая ни стен, ни перекрытий на своем пути. Потолок в кабинете Петра Алексеевича обвалился, брызнув через пролом в стене клубами пыли. Но это уже случилось далеко позади меня – преодолев барьеры еще из нескольких стен, пробиваясь через помещения в огне и дыму, я вырвался в главный зал здания поместья.

Ослепительный молот света, догоняя, пролетел мимо, срубая сразу три колонны, поддерживающие галерею. Брызнула гранитная крошка, полетели на пол крупные куски. Второй молот света врезался в парадную лестницу, складывая ее как карточный домик. Нижний пролет лестницы скрылся во вспышке льющегося как лава пламени света, обрушилось еще несколько колонн, и почти сразу с гулким грохотом галерея второго этажа рухнула на блестящий мраморный пол.

Я, за это время выполнив сразу два зигзага телепортации, как раз вышел из третьего и увидел прямо перед собой искаженный в крике череп, сформированный уплотняющимся по подобию пламени светом. Аналог стрелы Тьмы, только стрела Света.

– Да jobs two you match! – выкрикнул я в бессильной ярости, понимая, что эта песня была хороша, но нужно начинать сначала, а прямо сейчас мне снова станет очень больно.

Не стало: рвущийся ко мне череп вдруг исчез, как не было. Его остановили вырвавшиеся из пола ледяные шипы, стеной

выросшие на пути запущенного озаренной конструкта. Да, стена льда ударом Света была пробита почти сразу, раскидав ледяные глыбы по всему залу, но лишнее мгновение я получил. И, отскочив в сторону, замер на груде гранитных обломков, оставшихся от поддерживающих рухнувшую галерею колонн.

На несколько долгих секунд, буквально выжигающих линию в ощущении времени, движение в зале замерло.

Застыла в проеме коридора озаренная Елена Николаевна, окруженная защитной аурой света. В напряженном ожидании замер я на куче гранита, сжимая объятую лоскутами Огня вороненую саблю, готовый в любой момент к действиям. И в проеме парадных дверей, одна из которых была сорвана и висела криво, с громким скрипом понемногу заваливаясь, замерла Анастасия. С горящими ледяным сиянием глазами, объатыми голубоватым свечением ладонями, с бледной до белизны кожей и распущенными черными как смоль волосами она напоминала познавшую эмоции снежную королеву.

Елена Николаевна вдруг резким движением руки убрала светящуюся защитную ауру. Моргнув, она посмотрела на племянницу обычным человеческим взглядом.

– Анастаси, ты здесь лишняя, – неестественно спокойным и пугающе добрым голосом произнесла озаренная.

– Это я здесь лишняя?! – полыхнули ледяным пламенем глаза Анастасии.

Подобное обращение к ней со стороны родственницы,

пусть и играющей в высшей лиге на уровне, близком к архидемонам и прочим князьям Света и Тьмы, определенно было ошибкой. Кого-кого, а авторитетов Анастасия не признавала никогда. Тем более что я помнил, как она без раздумий поставила на кон свою жизнь только из-за того, что... «Это. Моя. Земля», – как она тогда сказала. Будучи даже еще княжной с неясными перспективами, сразу после ареста матери имперской Канцелярией.

Сейчас же она уже княгиня, полноправная хозяйка поместья, глава рода и будущая королева Юга. И живет в парадигме, что хоть озаренная тетья, хоть царствующий император, да хоть сам спустившийся с небес Господь Бог не вправе ей, на ее земле, указывать, что делать и куда идти.

И все это в ее мировосприятии наложилось на «ты здесь лишняя», прозвучавшее с пренебрежительным оттенком обращения взрослого к ребенку.

– Все предопределено, – в ответ на вспышку Анастасии еще более спокойным и умиротворяющим голосом произнесла Елена Николаевна. – Сегодня умрет или он, или я.

– Вопрос только как, – прервал я озаренную на полуслове. – Сюда ведь уже летит кавалерия инквизиции, для того чтобы засвидетельствовать применение темных искусств. Не так ли?

В ответ на вопрос Елена Николаевна вежливо и подобному мне улыбнулась. У нее по-прежнему не было защиты и по-прежнему смотрела она обычными человеческими гла-

зами.

Вот только убить я ее сейчас не мог – потому что тогда приобрету врага уже в лице Анастасии. Да, она сейчас плохо понимает происходящее, явно – судя по сиянию ледяного пламени в глазах, разъярена разрушениями своей усадьбы. Но если я сейчас убью беззащитную озаренную, вряд ли Анастасия сможет после этого воспринять непредвзято мои аргументы. И убравшая из взора силу Света Елена Николаевна это наверняка понимает.

Может быть, даже специально провоцирует. Вот только в провокации и я умею. Тем более что искусство поджигать чужие задницы, тасуя факты, отточил до остроты воспетого фантастами одномолекулярного лезвия.

– А самое главное, – повысил я голос, перебивая собравшуюся что-то сказать Елену Николаевну, – твоя озаренная родственница забыла тебе сказать, что это именно она открыла портал, из которого...

Фразу я не договорил и «...выбрались атаковавшие нас демоны» произнести не успел. Защитная аура озаренной вернулась, и в меня полетела очередная стрела света.

– Нет! – услышал я крик Анастасии, когда в меня ударило сияющее белое пламя.

Сам я в этот момент был уже в другом месте. Выполнив только что прием, который уж точно может претендовать на присвоение звания магистра. Почерпнутая во мне сила бурлила настолько сильно, начиная сжирать энергетические ка-

налы, что я просто в момент обращения к человеческому облику озаренной шагнул назад, уходя в изнанку и оставляя в этом мире сотканного из энергии своего двойника-аватара. Который сейчас и сгорел в пламени Света. Я же шагнул из пограничной пелены обратно в истинный мир и сразу увидел второй молот света, летящий в лицо.

Так никто в этом мире не умеет. Это просто нереально, и этого не может быть – вот так запускать без кулдауна, без паузы на перезагрузку умений плетения сразу два одинаковых конструкта. Ну, вернее, я и вся изучающая магию наука об этом до этого момента просто не знали.

Выругаться в этот раз я не успел. В голове мелькнули мысли, умру я прямо сейчас или озаренная вновь отыграет время вспять, вернув к моменту своего появления в кабинете. И с этой мыслью я, машинально, отбил отправленный в меня молот света объятый пламенем вороненой шашкой. Причем отбил действительно – так, что сияние ушло в сторону, разрушая сразу ряд стен и перекрытий слева.

Не тратя времени на удивление, я запустил клинок в озаренную – а следом, практически одновременно, полетела цепная плетка из клинков кукри. Оба удара – на которые я, если честно, рассчитывал, озаренная легко отбила. И, срывая с себя, толкнула свой светящийся сиянием щит ауры, направляя его в меня словно огромный таран. Потянуться к клинку кукри я не успевал – он все еще был размножен в цепную плетку в моменте времени, – уйти в сторону тоже.

Спасла Анастасия – вокруг меня возник ледяной, сотканный из голубого пламени купол. Который, правда, до конца погасить удар не смог – ледяная поверхность поддалась под натиском и, разгоняясь, ударила мне в лицо, разбивая нос и губы в кровь. Ощущение, как будто с разбега прибежал в стеклянную дверь. Даже руками заслониться не успел – и, оглушив на мгновенье, меня бросило назад, как пушинку.

Громко заскрежетало – сотканный Анастасией защитный купол раскололся на глыбы. Но скрежетал лед и в том месте, где стояла Елена Николаевна. Там сейчас возникали ледяные шипы, бессильно разбивавшиеся о вновь созданную озаренной защитную ауру света.

Озаренная, нехотя отвлекшись от меня, взмахнула рукой. Анастасия успела закрыться, отточенным движением спрятавшись в глыбе льда. Не очень действенно – глыба тут же брызнула осколками, а юная княгиня в ореоле сияющей защитной ауры упала на пол. Вместе с остатками стремительно таящей глыбы Анастасия проскользила по засыпанному штукатуркой и каменной крошкой полу, остановившись только врезавшись в стену.

По пути ее скольжения остался не только широкий мокрый след, но и расплывающаяся на нем полоска крупных алых клякс – все лицо и кисти девушки были в крови.

Отбросившая Анастасию озаренная уже повернулась ко мне. Лицо ее, несмотря на пустые белесые глаза, исказили злые эмоции. Страшное зрелище. В этот момент ко мне при-

шло стойкое понимание, что весь свой запас удачи и сторонней помощи я исчерпал, – причем понимание этого пришло мгновенно.

Выполнив серию телепортаций, уклоняясь сразу от очереди преследующих меня вспышек света, я оказался на опасном пороге решения потянуться к Тьме. Уже все громче зудела пораженческая мысль том, что гораздо лучше, когда тебя судят двенадцать незнакомых людей, чем несут четверо лучших друзей. Тем более – нашептывала мне воля к жизни, что на кону уже и жизнь Анастасии, которую озаренная готова убить без раздумий. Во имя, как обычно, ведомой ей великой цели.

К счастью, проверять себя еще раз – не смогу я или право имею, не пришлось. Светящийся щит, вместе с приготовившейся меня добить Еленой Николаевной, снесло в сторону монстром, сотканным из ледяного пламени. По ушам стегануло резким девичьим криком – это гибким прыжком поднысывая на ноги Анастасия использовала свою силу последнего шанса, призывая спрятавшегося в татуировке дракона.

С пронзительным звоном лопнула пробиваемая защита озаренной, и ее тело вспухло, превратившись в кровавое месиво. Но лишь на краткий миг – а в следующее мгновение изломанное тело заледенело. Последними потухли белевые глаза – под воздействием ледяного пламени свет из них ушел, а чуть позже их затянула кристаллическая изморозь.

Обернувшись к спасшей меня девушке, я увидел, как сотканые из ледяного пламени крылья за спиной юной княгини сложились, постепенно исчезая. Анастасия, как и я, в обучении на месте не стояла – в прошлый раз после призыва ледяного дракона она потеряла сознание, и мне пришлось носить ее на руках. Сейчас же девушка стояла на ногах и откланиваться, теряя сознание, совершенно не собиралась.

Выглядела она, правда, ужасно – из разбитой брови и носа на лицо обильно текла кровь, скатываясь по подбородку на шею и пятная воротник, и стояла она едва согнувшись. Думаю, ребра точно сломаны.

«Ты в порядке?» – приблизился я к Анастасии, как вдруг здание вздрогнуло.

Разрушительные броски озаренной для дворца рода даром не прошли – и сейчас крыша рушилась на нас. Испуганно вскрикнув, Анастасия вскинула руки, поставив над нами ледяной купол. В который, мигом позже, ударили рушащиеся перекрытия, заставив защиту задрожать и пойти трещинами.

– Долго не удержу! – хриплым громким шепотом – с нотками паники, произнесла Анастасия.

Я за это время уже обошел ее тремя танцевальными пируэтами, с каждым взмахивая объятый пламенем шашкой. Сделал это за краткое мгновение, сложив все в одно слитное движение. И после последнего взмаха, вырубившего в полу треугольник, мы рухнули на нем вниз, в подвальное поме-

щение. Схватив Анастасию, я оттащил ее в сторону от падающих сверху камней и ледяных глыб. При этом зацепился ногой за отколовшиеся от вырубленного в полу треугольника кирпичи, и мы вместе с княгиней покатались по полу.

В вырубленную мной дыру со скрежетом упало еще несколько булыжников и кусков льда, вместе с пылью от штукатурки. Но еще секунда, и пробитая в полу (сейчас в потолке) дыра оказалась закупорена.

Мы оказались в подвале. В том самом зале крипты, где находилась безжизненная сейчас порталная арка. Защищая которую, совсем недавно погибло столько людей и нелюдей. Моих людей и нелюдей.

Расположенную в противоположной стене арку я видел прекрасно, даже без ночного зрения. В подвале было светло – здесь на колоннах расположились светильники, подобные тем, что были на лестнице к алтарному залу. И сейчас они все налились голубым пламенем, освещая крипту призрачными бликами.

– Спасибо, – произнес я, снизу вверх глядя на Анастасию. Так получилось, что после того, как мы покатались по полу, она сейчас лежала сверху. Капая кровью из носа мне на лицо.

– Пожалуйста, – поморщившись, ответила юная княгиня и попыталась встать.

У нее самой это сделать не получилось, так что мне пришлось помочь.

Никакой мебели в зале не было, так что прошлись до сте-

ны, у которой Анастасию я и усадил, прислонив спиной к камню. Досталось ей неплохо, но серьезных – несовместимых с жизнью травм, к счастью, не было.

Усадив девушку, я собрался было встать и осмотреться, но она перехватила меня за руку. Так, что я остался рядом, опустившись на одно колено.

– Нужно найти выход, у меня мало времени, – предвосхищая вопрос, произнес я.

– Здесь только один выход, – показала взглядом Анастасия за мое плечо. Обернувшись, я увидел засыпанный завалом проем прохода.

– Подожди немного, – выдохнула в этот момент Анастасия, и ее глаза полыхнули ледяным пламенем.

Она сейчас, используя стихийную силу, начала прогонять ледяное пламя по энергетическим каналам, тем самым приводя себя в порядок. И для того чтобы контролировать применение силы, чтобы не переборщить, ей нужно было мое открытое касание. Срисовывающее для нее как образец мою ауру, для видимости варианта нормы – все же Анастасия не настолько владеет контролем, чтобы делать все в одиночку и навскидку. Поэтому я без движений сидел рядом и ждал, пока она закончит.

Восстановление – не лечение, а именно временное восстановление, затянулось. Впрочем, неудивительно – от удара в стену досталось девушке не слабо. Я даже без рентгена вижу переломанную руку и ногу.

– А теперь... – через несколько минут вернула мое внимание открывшая глаза Анастасия, – ты мне все расскажешь.

– Прямотаки все?

– Желательно. Но в первую очередь хотелось бы знать все в части того, почему именно озаренная сестра моей матери открыла портал с демонами.

– Это долгая история.

– Времени у нас много.

– Воздуха мало, экономить нужно. Когда нас еще раскопают.

– Раскопают нас наверняка раньше, чем ты думаешь.

Вопрос об обнаружении даже не стоял – у бойцов отряда Измайлова аппаратура позволяет «послушать» здание, выявить пустоты и определить наше местоположение. Что наверняка уже сделано – и сейчас вопрос наверняка во времени, необходимом на поиск техники.

Блок визора исчез с меня еще тогда, когда я шагнул в изнанку, прячась за кромкой мира от удара озаренной. И информации о статусе отряда у меня сейчас не было. Но я надеялся, что все, кто мог, выжили. Никого из бойцов отряда, кроме Власова, в главном здании усадьбы не было, а наша с озаренной схватка произошла в течение максимум минуты – думаю, никто не успел даже прибыть на огонек.

– Артур, – в голосе Анастасии зазвенела сталь, и она пожелала посмотреть мне в глаза.

– Это опасная история, – встретил я взгляд едва подсве-

ченных сейчас сиянием ультрамариновых глаз.

– А я сюда, значит, на обыденное собрание дамского литературного клуба пришла.

– Настя.

– Артур, я только что убила озаренную Светом сестру своей матери, спасая твою, между прочим, жизнь.

– Между прочим, есть знания, без которых живется лучше и безопаснее. Я же не от природной вредности не хочу с тобой ими делиться, а оттого, что волнуюсь за тебя.

– Я очень ценю твое волнение. Но сегодня не тот день, когда оно может оградить меня от якобы ненужных знаний.

– Настя.

– Да.

– Опасно для твоей жизни отнюдь не это знание. Для тебя опасно даже знание того, что я догадываюсь об открытии портала в нижний мир... Еленой Николаевной, – не сразу нашелся я с тем, как назвать «озаренную Светом сестру ее матери».

– Не называй ее так, пожалуйста, никогда больше. Елена Николаевна, моя любимая тетя, погибла много лет назад, когда вместо нее на мир посмотрела эта тварь с белесыми глазами.

– Хорошо, больше не буду.

– Артур, когда станешь моим мужем, тогда и будешь решать, что мне следует знать, а что нет. А сейчас будь добр, рассказывай, пожалуйста.

А мне нравится ее уверенность. Не если, а когда.

Тяжело вздохнув, я прикрыл глаза. Когда открыл, смотрел на мир уже в серой пелене – так у меня всегда, когда взор наполняется непроглядным мраком. Не очень приятное зрелище даже для привычного человека, поэтому Анастасия от неожиданности вздрогнула.

– Ты, наверное, забыла, с кем имеешь дело, – негромким голосом произнес я, а после прикрыл глаза, сморгнув Тьму из взгляда. Посмотрев на девушку уже нормальными глазами, я взял ее за руку и легонько сжал.

– Эта история принадлежит не только мне. И, еще раз, эта история опасная. Опасная для жизни. И для моей, и для твоей, и для очень и очень многих людей.

Анастасия нервно сглотнула. Потому что, глядя в ее ультрамариновые глаза, я сейчас снял привычные ментальные блоки, и девушка прекрасно чувствовала, что я не вру.

По-прежнему не возвращая ментальные блоки – так что Анастасия чувствовала эхо моих эмоций, я медленно вздохнул, выбирая слова, и продолжил.

– Когда это знание станет безопасным в первую очередь для тебя, я обязательно все расскажу.

После этих слов чуть крепче сжал ладонь Анастасии, и по взгляду увидел, что она снова почувствовала – я не лукавлю.

– Только это будет никогда, – вдруг усмехнулась такая юная, но уже такая познавшая жизнь княгиня.

– Не факт, – покачал я головой. – Мне нужно проконсуль-

тироваться с одним...

Сказать «человеком» было бы неправильно, и Анастасия почувствовала бы долю неправды.

– ...с одним, так сказать, господином. Он может ответить на многие вопросы, в том числе и подсказать, как именно я могу поставить тебя в известность о происходящем.

– Это же... – по моим эмоциям Анастасия что-то почувствовала, и глаза ее расширились. Но договорить она не смогла – призывая к молчанию, я коснулся пальцем ее губ.

– Это связано с покушением на тебя в Санкт-Петербурге в том числе, – кивнул я.

Сверху в этот момент что-то заскрежетало.

– Вот видишь, – отреагировала на звук Анастасия. – Я же говорила, что будет быстро: вся техника, которая восстанавливала усадьбу в первый раз, осталась здесь. А у твоего штабс-капитана допуск к управлению есть. Скоро все закончится.

В ответ на эти ее слова я только усмехнулся. Сказал бы, что, как только нас раскопают, все только начнется, да не хочу ей настроение портить. Хотя без вариантов, она должна быть готова.

– Ты знаешь, что в Бобринце расположились псы инквизиторов?

– Теперь знаю, – коротко ответила мгновенно насторожившаяся Анастасия. – Но ты же... не использовал Тьму? Нет? Артур, скажи, пожалуйста, что нет...

– Нет, не использовал, – мягким касанием к ладони успокоил я неожиданно не на шутку разволновавшуюся княгиню. – Не использовал.

– Это замечательно.

– Да, не использовал. Но когда это останавливало карающий меч провидения? – только усмехнулся я.

В этот момент сверху еще раз проскрежетало, и в созданной мной дырке в потолке появился первый лучик света. Нормального света, по которому я, если честно, уже успел соскучиться.

Глава 3

После того как показались первые лучи солнечного света, раскапывающим завал спасателям потребовалось чуть больше минуты, чтобы расчистить подходящий для эвакуации проход.

Выбраться из подвала я, впрочем, мог давно – с помощью серии телепортаций. Но, возможно и совершая ошибку, идею реализовывать не стал. Да, уже довольно много людей знает о моих способностях с клинком. Довольно много – среди узкого круга заинтересованных лиц, но совсем в общий доступ я эту информацию запускать не хотел. Тем более что все публичные применения моей способности до этого происходили в случаях, которые в истории и хронике событий замылены. Все ситуации из серии «чего не вижу, того не было» – как атака на небоскреб Некромикона или участие в поединках на арене Базаара.

Поэтому, отказавшись от возможности быстрого выхода, за то время, пока спасатели расширяли проход, раскапывая завал, я лихорадочно пытался решить весьма насущный вопрос: что делать с перстнями Юсуповых и имплантами неацапиантов Некромикона?

Собранные мною на месте уничтожения купола улики несли просто убойную ценность, мне хватало ума это понимать. При этом, оставаясь единственным хранителем этого

знания, я серьезно рисковал. И ведь даже не догадался оставить пару перстней и имплантов субедару Риджалу, с заданием привести в норму костяного ящера и как можно быстрее доставить улики... кому? Да хотя бы Саманте. А еще несколько можно было отдать бурбону Чумбе с заданием сохранить и затаиться до определенного момента. Но хорошо быть умным, как моя жена потом, – как говорят англосаксы.

Непредусмотрительный идиот, что еще сказать. Без возможности оправданий – такие ошибки могут слишком дорого стоить. Сейчас, сверху, меня могут... ну, допустим, захватить в плен инквизиции и закрыть в клетку, как жирафа. И тогда знание о контролерах вторжения останется конфиденциальным, как и предполагалось исполнителями. Хотя тогда и знание о моей тупизне останется конфиденциальным – мелькнула тут же мысль.

От нахлынувшего напряжения я даже начал сбиваться на глупые аналогии и немного истеричные сравнения – поэтому даже пришлось встряхнуться, взяв себя в руки. В руки, в которых сейчас – ни много ни мало, ключ от судьбы целого мира.

Да чтоб тебя! Соберись, тряпка! – уже с раздражением прервал я себя, избавляясь от съехавших на рельсы патетики мыслей.

Подобные попытки убежать в сторону на развилках ассоциаций были связаны с тем, что я лихорадочно раздумывал о варианте передать несколько перстней и имплантов на хра-

нение Анастасии.

Во мне ожесточенно боролись рациональная идея и опасение за жизнь юной княгини. С одной стороны, в случае моего плена она может стать тем козырем, что поможет сохранить мне возможность переговоров. Но с другой – если организаторы всего происходящего сидят максимально высоко, Анастасию просто уничтожат, как ненужного свидетеля. Как уничтожили центр города Елисаветград, а если точнее – железнодорожный вокзал с ячейкой камеры хранения, где находились записи Марьяны.

– Артур, – отвлекла меня Анастасия.

Я даже не заметил, как она поднялась и подошла. Аккуратно взяв девушку под локоть, мягко потянул ее вниз, заставляя снова сесть на пол. Пусть она и может стоять на своих ногах, приглушив боль и остановив кровотечение с помощью концентрированной в местах ран стихийной силы, но удовольствие это среднее. В первую очередь ей сейчас нужны эвакуация, квалифицированная помощь и постельный режим.

– Могла бы позвать, а не вставать, – негромко произнес я.

Отстраненно сказал, потому что сам все еще витал среди мыслей и различных вариантов действий.

– Могла, – улыбнулась Анастасия бескровными губами.

– Ты что-то хотела мне сказать, – посмотрел я в поблекшие ультрамариновые глаза.

– Да. Вернее, нет. Это ты хочешь мне что-то сказать. Я

чувствую, прямо волнами накатывает.

Надо же. Ну да, во время сохранения нашей ментальной связи она всегда лучше ощущала меня, чем я ее.

– Да. Хочу. Береги себя, пожалуйста.

– И все?

Глубокий вдох. Отдать ей перстни, подстраховаться, было бы проще и рациональнее. Но и гораздо опаснее для нее.

– И все. Пожалуйста, будь осторожна.

– Осторожность – мое второе имя, ты же знаешь, – улыбнулась Анастасия.

– Заметно, – посмотрел я внимательно на нее. И, возвращая подначку, намеком на движение продемонстрировал жест, словно бы метнул из-за плеч два ножа, сделав характерное движение выпростанными из кулаков большими пальцами.

Анастасия сразу покраснела – на ее молочно-белой коже румянец оказался заметен очень хорошо. Она поняла, что намекал я на ее безрассудное поведение во время дуэли с Натальей Разумовской, когда Настя сняла защиту во имя победы, при этом рискуя жизнью.

– Сейчас, прошу тебя, останься тут внизу на некоторое время. Сделай вид, что очень плохо себя чувствуешь, к перемещению непригодна, и пусть первую помощь тебе оказывают здесь. Наверху может стать... жарко. И в случае чего ты мне никак не поможешь, а себя скомпрометируешь.

– В случае чего я могу разобрать еще пару озаренных, –

налились сиянием силы глаза Анастасии.

Ну да, заемная сила в татуировке дракона у нее далеко не исчерпана. Действительно, может. Может попробовать, вернее. Другое дело, что потом ее и откачивать придется как в прошлый раз.

– Сверху может стать настолько жарко, что мне придется не воевать, а быстро сматываться. Сейчас у меня с собой очень ценные знания, которые стоят очень много жизней.

– А... дело в этом. Хорошо, я поняла. Береги себя.

– Осторожность – мое второе имя, – улыбнулся я, позволив себе расслабиться на краткое мгновение.

Анастасия продолжать не стала, а просто поманила меня к себе. Мне показалось, что она хочет что-то сказать мне на ухо. Показалось – потому что мне был подарен прощальный поцелуй.

В этот момент как раз проем в потолке достаточно расширился, и вниз на тросах спустилось сразу несколько бойцов моего отряда, а чуть позже – эвакуационная люлька. Наблюдал я это краем глаза, потому что ко мне – самым первым, подошел Садыков, протягивая блок визора. Приняв девайс, я без слов, коротким жестом показал Садыкову на Анастасию, потом на воображаемые часы, постучав по несуществующему циферблату, и наверх, отрицательно махнув рукой. Сумбурно получилось, но поручик, судя по взгляду, прекрасно понял, что Анастасии лучше наверх не подниматься, пока я не скажу.

– Как там? – прижимая таблетку позади левого уха, поинтересовался я. Блок справа уже был на месте.

Перед глазами появилась голубая полоса проекции визора, а прямо перед взором отобразилась полоса загрузки подгрузки в тактическую сеть. Непривычно долго бегущая полоса загрузки – обычно дополненная реальность появлялась перед глазами за доли секунды.

– Нас накрыли и глушат по-взрослому, – между тем сообщил мне Садыков, сразу объяснив причину столь долгой загрузки меню тактической сети. И после этих слов он взглядом показал чуть назад и влево.

Куда Садыков показывал, я понял – среди наконец появившихся перед глазами элементов дополненной реальности отдельной меткой ярко выделялся комплекс постановки помех «Рупор». Выделялся отдельной красной меткой «особенной важности». Это был силуэт, очень похожий на знакомый мне МТЛБ, оцетинившийся антеннами. Именно он – комплекс «Рупор», сейчас накрыл непроницаемым для связи куполом территорию усадьбы.

Вообще-то, если такой комплекс работает сейчас против нас, он не должен быть заметен в нашей таксети. Он сам по себе должен быть спрятан стелс-системой. Кроме того, если неподалеку и против нас работает эта шайтан-машина... а она работает, судя по тому, как явно напряженный Садыков сообщил, что нас глушат, у меня даже отрядная тактическая сеть не должна сейчас функционировать. «Рупор», когда в

рабочем режиме, превращает всех в зоне действия в слепых котят, напрочь лишая связи.

Превращает, но, получается, не в этот раз. Впрочем, это сейчас далеко не самое важное. Работает тактическая сеть отряда – и это очень хорошо. А почему она работает, дело десятое. Более насущных вопросов вокруг хватает.

Наверх вместе с эвакуационной люлькой вытянуло меня быстро, и на поверхности, сбежав к ожидающему меня Измайлову по осыпающимся грудам булыжников, я огляделся.

Атмосфера над полуразрушенным (в очередной раз) дворцом усадьбы стояла гнетущая. Я это почувствовал по напряжению и проводивших эвакуацию, и ожидающих меня вместе с Измайловым бойцов отряда.

Нас не просто накрыли и глушили, но и качественно взяли на прицел: в картинке доступной мне дополненной реальности территория усадьбы сразу с нескольких сторон была подсвечена красным отблеском агрессивного вторжения. Кроме этого, внутри периметра было достаточное количество отображаемых противников. Занявшие территорию поместья незваные гости определенно чувствовали здесь себя как дома. Определенно руководствуясь при этом правом силы – на неполные семь десятков моих бойцов их было только на земле как минимум вдвое больше. Да и в воздухе над развалинами усадьбы, чуть в отдалении, зависло сразу несколько военно-транспортных машин.

И, определенно заметив мое появление на развалинах,

один из зависших неподалеку конвертопланов снизился. Боковая дверь отъехала в сторону, и на землю спрыгнуло несколько человек, к которым сразу подбежало не менее двух десятков телохранителей в тяжелой и средней броне.

При этом зависшие в воздухе конвертопланы перегруппировались, прикрывая теперь больше группу высадившихся. А рассредоточившиеся на земле многочисленные чужаки по-прежнему держат на прицеле.

Ситуация напряженная, атмосфера гнетущая. От открытия огня бойцов моего отряда удерживало только отсутствие команды. Которую ожидали от меня. Самоубийственной команды – если судить по соотношению собравшихся здесь сил. Стоит мне дать приказ открыть огонь, и нас всех, защитников усадьбы, здесь просто на атомы разберут.

Вторгшиеся на территорию усадьбы, правда, также начинать войну определенно не желали. Часть из них отображалась в тактической сети как бойцы частной военной компании *Domini Canis* – псы инквизиции. Внутри меня колыхнулось раздражение владеющего – «да как они посмели?». Но лишь на краткий миг – я понял, что разрешение на присутствие здесь им могла дать Елена Николаевна.

Но больше даже, чем псы инквизиции, внимание привлекла другая, малая часть вторгшихся в поместье – бойцы отряда «Коловрат». Отдельный отряд, находящийся в составе Пятого департамента Министерства духовных дел. Или Управления тайных мистических деяний – как назывался

этот департамент для имеющих высокий доступ.

При этом, находясь в составе департамента, подчинялся отряд Коловрат непосредственно министру духовных дел. Довольно своеобразное и независимое подразделение; и мне очень просилось на язык сравнение с гвардией кардинала. Правда, именовали их совсем по-другому. В узком кругу владеющей аристократии об отряде Коловрат говорили много, но тихо, а членов отряда все больше и все чаще называли опричниками.

Их, здесь и сейчас, было совсем немного, судя по меткам тактического визора. В высадившейся из конвертоплана и приближающейся сейчас ко мне группе опричников было не больше пяти. Но именно российские опричники, а не инквизиторы определенно играют в высадившейся на территории усадьбе массовке главенствующую роль.

Для того чтобы ознакомиться с информацией тактической сети, охватить и понять картинку происходящего мне потребовалось несколько секунд. Охватить все, что в доступе – потому что не все данные тактической сети прогрузились, пелена Рупора все же давала о себе знать. А когда данные еще частично прогрузились, перед глазами замигала иконка срочного вызова – мастер-наставник и навигатор желал со мной поговорить. И исходящий вызов он, видимо, поставил в режим постоянного запроса.

«Работающий Рупор? Не, не слышали», – с покровительственными интонациями очень вовремя подсказал внутрен-

ний голос.

Армия России в этом мире, как и в моем прошлом, заслуженно занимает лидирующие позиции в сфере радиоэлектронной борьбы. Но, видимо, вне зависимости от мира есть применимое ко всем граням реальности правило: «Всегда найдется азиат, который сделает это лучше». В моем отряде этот азиат сейчас был, и имя ему – Хикару Накамура.

Зарядив неподалеку комплекс РЭБ, накрыв куполом пелены помех всю территорию усадьбы, опричники не учли фактор Накамуры. Чтобы нейтрализовать его, одной станции постановки помех явно недостаточно. Тем более что Накамура тут уже несколько часов, и у него было время подготовиться ко всякого рода неожиданностям.

Так что сейчас и поговорим. Целых несколько секунд, пока не подошли ближе опричники, у меня есть – с такими мыслями я взглядом активировал входящий вызов. Успев подумать о том, как же мне все-таки не хватает времени – находясь в информационном вакууме, я все еще просто не могу понять, в какую сторону воевать и что вообще делать.

Опричники высадились совсем недалеко. И если они увидят, что я с кем-то разговариваю по работающей связи – чего при условии Рупора быть не должно, вольницу свободы быстро приструнят. К счастью, вид после боя с озаренной у меня такой, что позволяет использовать пространство для маневра. Поэтому я мученически закрыл лицо руками и в бессилии опустил на одно колено, закутываясь в менталь-

ный кокон боли и страдания.

Подозрений, сильных, вызвать не должно – у меня действительно вид такой, словно через дробилку прошел, а полевая форма варлорда порвана и окровавлена в некоторых местах.

– У аппарата, – параллельно с одолевающими мыслями и концентрацией постановки ментального щита-обманки ответил я на вызов Николаева.

– Артур, – послышался в ухе голос полковника. – Ты жив.

– Очень нужен честный ответ, – не размениваясь на приветствия, быстро заговорил я. – Вы меня слили?

– Нет.

– Выглядит иначе.

– Что случилось?

– Нас просто смяли, в кровавые сопли.

– Портал?

По изменившейся манере говорить Николаева чувствовалось – он понял и почувствовал цейтнот, в котором я нахожусь. И использовал быстрые короткие фразы, не размениваясь на паузы в разговоре.

– Портал закрыт. Пока.

– Отлично, – я даже почувствовал, как выдохнул Николаев. – В других местах все прошло не так гладко.

«В других местах»?

– Если что, у меня сейчас серьезные проблемы, и мне в ближайшую минуту предъявят обвинение в применении

темных искусств, – быстро проговорил я и в несколько движений глаз передал картинку с визора полковнику.

– Андре с тобой? – быстро спросил Николаев.

– Он умер.

– ... – краткий миг, проглоченное ругательство.

– Мустафа тоже, – добавил я, предваряя вопрос.

В этот раз Николаев после моих слов все же не удержался и выругался.

«Осталась одна Таня» – если бы не жесткий дефицит времени, я бы не удержался от этой известной почти каждому жителю моего Петербурга фразы.

– Тяни время и не лезь на рожон. Попробуй не начать войну хотя бы минуту, – сразу после фразы, в которой я четко услышал только «ш-шайзе», произнес Николаев и отключился.

Несколько опричников, сопровождаемые эскортом инквизиторов, между тем уже прошли половину разделяющего нас расстояния. Во всех их движениях сквозила непоколебимая и неторопливая уверенность силы. Даже нет, не силы, а абсолютного превосходства.

Всего минута, сказал мне Николаев. Слабо в это верится, если честно. Но... надо же во что-то верить. Значит, попробуем не начинать войну.

– Могу открыть небо, – раздался вдруг у меня в ухе голос Накамуры.

– Мы можем снять купол, – почти в унисон повторил сле-

дом Измайлов, передавая мне слова японца.

Зачем капитан дублировал, я понял – визор, который мне передал Садыков, загрузил тактическую сеть в режиме рядового бойца; глушащий связь Рупор все же серьезная проблема, и таксеть работала в условном «безопасном» режиме, без всего доступного функционала.

О чем ведет речь Накамура, я тоже понял – он уже может вырубить станцию подавления связи. Не уничтожить, а именно выключить. И я даже едва не скомандовал это сделать, но меня остановило сказанное только что Николаевым: «Попробуй не начать войну...»

– Пишите, ждем. Если начнется жара, – быстро и коротко проговорил я, уже наблюдая совсем рядом высокие ботинки подходящих опричников, – вырубайте и отправляйте запись произошедшего...

Кому-кому-кому?

– ...князю Кузнецову, графу Безбородко и полковнику Николаеву. Потом...

Потом. Цена вопроса «что потом?» – шестьдесят семь жизней. Платить ее я пока не готов.

– ...потом сложите оружие и сдавайтесь. Я буду уходить, один.

Молчание.

– Капитан... – говорящая пауза, – подтвердите.

– Принял, – коротко проговорил Измайлов.

Когда он это произнес, опричники уже подошли практи-

чески вплотную и остановились. Двое бойцов в тяжелой броне с глазом инквизиции на груди вышли вперед. Один из них недвусмысленным жестом показал мне подняться, а второй дал понять Измайлову, что тому лучше опустить оружие и поднять забрало.

– Капитан, не провоцируйте, – вслух, так что мои слова наверняка услышали (прочитав по губам), произнес я, с видимым усилием поднимаясь.

Измайлов закинул за спину винтовку, резким движением выбил стопор в горжете и поднял забрало. Тоже симулирует, как и я: функции управления бронекостюмом через тактическую сеть работающий комплекс Рупор должен блокировать так же, как и связь. То есть в идеале, когда зона накрыта пеленой помех, бронекостюм превращается в очень тяжелый бронезилет.

Пока Измайлов открывал лицо, я уже принял ровное положение. Поднялся, правда, на дрожащих ногах и, отняв руки от лица, с видимым трудом надел маску бесстрастного выражения. И с видимым, и с невидимым трудом – все же изображать старательное избавление от имитированных страхов и страданий задача нетривиальная. Но я вообще парень талантливый, так что вроде справился, не вызвав лишней подозрений.

– Доброе утро, господа, – голос у меня искусственно подрагивал от напряжения. Внешне я сейчас пытался не показать якобы испытываемые «страх и боль», с явным трудом

сохраняя хорошую мину при плохой игре.

– Вы как раз вовремя подошли... – я даже паузу сдвоенную сделал, словно пропустившее удар сердце толкнулось в горло от избытка адреналина и волнения. – Уж-жас как желаю услышать ваши объяснения насчет незаконного вторжения на территорию имперского княжеского рода Юсуповых-Штейнберг, чье право собственности гарантируется Стихийным пактом.

Николаев попросил тянуть время, и я его тянул – используя максимально возможное количество слов в фразах. При этом в чужих глазах это выглядело так, словно длинный рецитатив я растягиваю для самоуспокоения, пытаюсь взять себя в руки.

Какой актер пропал. Думаю, мне бы сейчас даже Станиславский поверил.

Между тем после моих слов один из опричников явно произнес что-то вроде: «Да что этот оборванец себе позволяет?» Голоса его я, конечно, не слышал, лицо опричника закрыто глухим забралом бронекостюма, но понял смысл сказанного по едва заметному движению тела, мимике тела.

И только бросив мельком взгляд на закованную в бронекостюм фигуру опричника, обратил внимание на эмблему отряда конгрегации духовных дел, начерченную белым на черных пластинах брони. Очень говорящая эмблема: один из православных крестов, он же гамматический крест, он же Коловрат. Или, по-простому, левосторонняя свастика.

Скрывать эмоции не стал, позволил себе вздрогнуть и выразить взглядом расширившихся глаз удивление. Принятое наверняка за мое осознание того, с кем столкнулся. Ведь мы все, по мнению вторгшихся на территорию усадьбы, сейчас «информационно слепы», а идентификация возможна только визуальная. И мое напряжение, возникшее сейчас якобы при понимании того, кто именно передо мной, вполне понятно и неудивительно. Потому что забирающих все больше власти опричников в среде одаренных единодушно не очень, мягко говоря, любили. И опасались, стараясь держаться максимально дальше. Так что моя реакция на свастику пришлась весьма кстати, дополняя созданный образ.

Моя индивидуальная реакция – для остальных в этом мире древний символ ничего удивительного и предосудительного не нес. Даже сейчас в моем мире левостороннюю свастику можно увидеть в оформлении православных церквей во множестве российских городов; здесь же, не дискредитированный нацистами, этот крест был весьма распространен. Даже более того, левосторонняя свастика пользовалась особой любовью в Императорской семье. К примеру, монограммы со свастикой были любимы убитой вместе с Николаем прежней императрицей Александрой Федоровной, а некоторые машины из гаража Императорской семьи, как и в начале двадцатого века, украшала капотная эмблема в виде левосторонней свастики. Так что негативные ассоциации здесь, в этом мире, подобный символ в общественном пространстве

вызывал только у меня. Ну, может, у Андре еще, только вот его больше рядом нет.

Между тем, явно насладившись моим растерянным и потерянным видом, один из опричников наконец поднял забрало. Он даже собирался что-то сказать, но я его опередил.

– Феликс Эдмундович! Добрый день, какая встреча! Вы, вижу, переобулись... ох, простите, оговорился от чрезвычайного волнения. Поменяли сферу деятельности, сменили, так сказать, мундир?

Голос мой по-прежнему подрагивал. И более того, у меня снова получилось ввести всех в заблуждение – наблюдающие за мной видели скрывающую страх и растерянность браваду, а не попытку тянуть время. По крайней мере, в глазах старого знакомца из ФСБ я это ясно прочитал.

– Позвольте представиться. Есаул Феликс Тимофеевич Изотов, командующий третьим эскадронам отряда Коловрат, – не обратив внимания на мои слова, заговорил он, формально представляясь.

Надо же, какой стремительный карьерный рост. В прошлую нашу встречу Феликс Эдмундович, Тимофеевич, вернее, был всего лишь корнетом. Понятно, что в ФСБ воинские звания не котируются – важна занимаемая должность. Корнет Изотов, несмотря на низкое звание, должность занимал высокую – простого агента не поставили бы командовать операцией по захвату моего поместья в Архангельске. Но все же, все же.

– Апостольский визитатор, дерптский епископ граф Юген Бергер, – представил между тем Феликс одного из инквизиторов, который также поднял забрало и шагнул вперед.

Визитатор. Представитель Святого Престола, почти как папский легат по важности. Только направленный с инспекцией на разовую, временную миссию. И внешний вид епископа соответствовал авторитету должности. Это был высокий, явно без вмешательства в генетический паспорт мужчина; в возрасте – видны тронутые проседью виски. Тонкий нос с горбинкой, цепкий взгляд близко посаженных глаз. Который я почти физически чувствовал.

Граф Юген Бергер, значит. Имя немецкое, но по внешности больше на француза или даже итальянца похож.

Избегая взгляда епископа – очень он мне не понравился, опасный человек, я опустил глаза. При этом время сейчас для меня замедлило свой бег. Мне поверили, приняв страх и растерянность за чистую монету, поэтому я рискнул немного притормозить время. Используя самое первое, до совершенства отточенное упражнение из ментальной практики, что преподавал мне фон Колер на личных занятиях. Так что я успевал услышать, разложить на отдельные слова и фразы речь опричника, проанализировать и наложить на считываемый фон его эмоциональной ауры.

– Вместе с монсеньором Бергером мы прибыли сюда в составе отдельной группы быстрого реагирования по сигналу о применении темных искусств для проведения надлежащей

проверки, – закончил очень надолго растянувшуюся для меня фразу Феликс Изотов. Так стремительно поднявшийся по служебной лестнице бывший корнет и специальный агент ФСБ.

Время же я, несомненно рискуя быть раскрытым, остановил оттого, что что-то в его словах показалось мне определенно неправильным.

«Позвольте представиться» – чувствуется нескрываемое превосходство сильного.

«Есаул Феликс Тимофеевич» – наслаждение, предвкушение близкого реванша. Изотов не забыл, как я уходил от него несколько раз в тот самый момент, когда казалось, что уже все, я в ловушке обстоятельств. И сейчас он определенно желал отомстить за перенесенные по моей вине унижения.

«Апостольский визитатор» – некоторое пренебрежение к посланнику Святого Престола. Неудивительно, он здесь не на первых ролях; но больше в словах Изотова все же сквозит явно чувствующееся превосходство сильного. Смакуемый момент тщеславия и победы, который хочется замедлить и наслаждаться им как можно дольше.

«Вместе с монсеньором Бергером мы прибыли сюда в составе отдельной группы быстрого реагирования по сигналу о применении темных искусств для проведения надлежащей проверки».

Вот оно. Что-то здесь меня цепляет.

«...Мы прибыли сюда в составе отдельной группы...»

Даже нет, вот так:

«...Мы прибыли...»

В прошлый раз Феликс Эдмундович прибыл во главе отряда быстрого реагирования. Он, когда вломился в усадьбу, именно так и сказал: «Я прибыл во главе».

Тогда он был, с одной стороны, специальный агент, с другой – корнет, младший офицер. Так и так бессловесный исполнитель, который желает использовать предоставленный трамплин и подняться много выше того уровня, на котором он находится.

И ведь поднялся. Сейчас Феликс Эдмундович, переобувшись из специального агента ФСБ в есаула конгрегации опричников, занимает более высокую должность, перепрыгнув далеко не одну ступень. И его гордость и тщеславие – двигатель карьерного прогресса, не позволили бы ему упустить возможность этот момент уточнить. Значит, он прибыл не во главе нагло высадившихся на территории усадьбы воинов света.

Апостольский визитатор группой командовать определенно не может. Как и вообще любой представитель инквизиторов – это католики, сопровождение от Святого Престола, не более. Да если бы подобное имело место – столь нагло действующие на российской земле инквизиторы, вторгающиеся без спроса во владение имперского рода, наказание допустившим проникновение чиновникам или силовикам многократно превысило бы гнев Императора за приби-

тый к стене банан.

Значит, Феликс не командует этой группой. А командует ей наверняка вот этот вот опричник, в броне ничем не отличающийся от других. Именно тот, кто, не поднимая забрала, совсем недавно явно произнес в мою сторону что-то пренебрежительное. Держится он чуть-чуть сзади, за плечом Феликса, но смотрит на происходящее сверху вниз, это заметно даже с опущенным глухим забралом.

И этот кто-то человек влиятельный и наделен авторитетом. Потому что бойцы моего отряда не выполнили приказ и без единого выстрела допустили на территорию поместья совершенно левых пассажиров – которыми являются и опричники, и тем более инквизиторы. Это точное знание, без сомнений: я уже успел посмотреть в тактической сети – разрешения находиться на земле рода Юсуповых-Штейнберг у воинов света не было.

Значит, вот он, собственной персоной, тот самый ответ на произошедшее, объясняющий нахождение здесь и сейчас церковников. Именно его имя послужило защитой нагло и по-хамски пришедшим сюда опричникам и инквизиторам от попытки противодействия. Да, попытки самоубийственной, но бойцы моего отряда все серьезные парни, их страх смерти от выполнения приказа не остановил бы. Как он не остановил всех тех, кто под командованием Власова умер недавно в городской ратуше.

Ну, и последний вопрос без ответа – кто именно этот са-

мый опричник, авторитет чьего имени помешал бойцам моего отряда открыть огонь.

Вот он – недостаток времени. Если бы у меня была хоть пара лишних секунд, Измайлов бы мне об этом доложил. А так – даже с возможностью останавливать время для анализа ситуации, этого самого времени мне жизненно не хватает.

– Корнет, будьте любезны... ох, простите, господин есаул, запамятовал о вашем переобувании, – вернулся я из застывшего мгновения. – Будьте любезны объяснить яснее. От кого сигнал и о каком применении темных искусств может идти речь. Тем более что вы в курсе, что в этом доме прева-лирует власть Света, должны же помнить, такое ведь не забывается, правда? – я говорил и говорил, не думая, словно отвечаю сейчас на экзамене, к которому не готовился.

– И именно из-за неконтролируемой Силы Света у нас сегодня произошла маленькая неприятность, в результате которой дом немного пострадал. Этого достаточно? Видите, как я обстоятелен и вежлив, в отличие от вас, потому как все еще не дождался от вас объяснений. Итак, по какому праву вы здесь находитесь?

Как и на экзамене, к которому не готовился, говорить получалось не очень складно и даже местами корявенько. Но главное сейчас не молчать и тянуть время. Сорваться прыжком в серию телепортаций скольжения я всегда успею. Надеюсь, успею.

– Господин барон, прекращайте ломать комедию, – позво-

лил себе покровительственную улыбку опричник. – Сейчас же отдайте своим людям приказ сложить оружие и собраться в указанном месте для составления протокола об их захвате в плен. Иначе мы будем вынуждены, – медленно и с наслаждением выделил это слово Изотов, – применить силу в отношении вас и ваших бойцов.

Феликс Эдмундович произносил одни слова, но глаза его словно бы говорили: «Да, да, мы охамели. И что?»

Сейчас он, в отличие от других, прежних ситуаций наших встреч, действовал по праву сильного, обладая всей полной преимуществами. По праву настолько сильного, что для него уже не существует не просто рамок приличий, а даже некоторых общепринятых правил.

Попробуй не начать войну – сказал мне Николаев.

Мне кажется, он или меня все же слил – и происходящее здесь ему было известно заранее, как и произошедшее на плато, или он просто ошибся. Потому что война, судя по поведению Изотова в форме опричника, уже определенно началась. Так что первым я точно не буду.

– Вжух, – одними губами произнес я, обернувшись к Измайлову. Тот даже кивать не стал, только моргнув. Видимо, он сделал какое-то оговоренное едва заметное движение, потому что у меня сразу в ухе раздался голос Накамуры.

– Рок-н-ролл, – почти сразу коротко бросил невидимый мне японец.

– Скажите, Феликс Эдмундович, а ваша уверенность в

безнаказанности действий основывается на пелене помех и куполе, который поставил ваш чудо-комплекс? – обернулся я к Изотову, показывая в сторону, где стояла машина Рупора. Игнорируя при этом дернувшиеся стволы опричников, среагировавших на мои переглядывания с Измайловым.

– Господин барон, у вас не осталось времени, – разочарованно произнес Феликс Эдмундович. – И я вынужден...

Договорить он не успел, потому что я вновь заговорил, уверенно его перебивая и опережая команду к действиям.

– Чудо-комплекс, который не работает, и, ка-акая незадача, запись произошедшего здесь и сейчас уже оказалась у целого ряда заинтересованных влиятельных лиц. И сейчас, действуя уже в общественном пространстве без пелены заграждения, повторите, пожалуйста, – вы готовы применить силу без объяснения причин, вломившись на чужую территорию, попирая все имущественные и сословные права и свободы владеющего даром императорского, простите, имперского рода?

Пока я говорил, Изотов невольно дернулся, а глаза его за практически незаметной полоской визора расширились – он явно получил информацию об упавшей пелене купола молчания. И судя по взгляду, лихорадочно думал, что сейчас делать. А моя последняя оговорка об императорском, а не имперском роде даже заставила его глаз нервно дернуться. Кроме того, его взгляд вдруг заметался – и в этот момент за спиной я ощутил чужое присутствие.

«Ну вот... зачем?» – едва удержался я от того, чтобы не обернуться к Анастасии и не спросить у нее это вслух.

Юная княгиня не выдержала и, решив не пережидать горячую фазу, поднялась из заваленного подвала. И сейчас она подошла ближе и остановилась позади, почти за моим плечом.

Не обернувшись к ней – что стоило мне огромных усилий, очень уж хотелось показать хотя бы взглядом все, что о ней сейчас думаю, я продолжал говорить, глядя в глаза Феликсу Изотову. Начав чеканить слова медленнее – все же надежда на заявленную Николаевым минуту у меня оставалась.

– Или, может быть, Министерство духовных дел решило взять в свои руки всю судебную и исполнительную власть в государстве российском, игнорируя все законы и лишние ненужные условности по типу какого-то там... Стихийного пакта, да? Так же вроде этот никому не нужный договор называется?

После последних моих слов я даже не столько заметил, сколько почувствовал, как едва-едва вздрогнул остающийся пока неизвестным опричник. Определенно главный здесь.

– Или, Феликс Эдмундович, может быть, все происходящее – это инициатива всего лишь одного человека? А, человек-собаке-друг? – откровенно провоцируя, намекая на одинаковое и нелюбезное прозвище и инквизиторов, и опричников, резко повернулся я, глядя в глухое забрало неизвестного, но определенно главного здесь человека. – Ну

же, открой личико, не стесняйся.

Видимо, я сейчас сделал что-то из ряда вон – потому что стоящая позади Анастасия вдруг прынула вперед и взяла меня за руку. Словно девушка, уводящая своего спутника по-дальше от случайной и ненужной уличной драки.

Впрочем, сразу после моей фразы развития событий в эту сторону не произошло. Потому что сверху сначала тихо, но очень быстро наливаясь звуком раздался стеганувший по ушам свист многочисленных двигателей на реверсе. А через мгновение множественный шум двигателей буквально рухнул вниз всей силой, заполняя все пространство вокруг.

А вот и кавалерия. С небес и сразу в дело – отметил я, наблюдая, как на территории усадьбы один за другим приземляются, создавая вихрящиеся потоки снега, конвертопланы в знакомой мне раскраске.

Шефом ахтырского полка до недавнего времени являлся персидский принц Мансур Мирза из династии Каджаров. Именно до недавнего времени – когда ахтырцы прибыли сюда на развалины в первый раз. Сейчас, по прошествии нескольких месяцев, если полностью произносить название подразделения, то рядом приземлялись конвертопланы 12-го бронекавалерийского гусарского Ахтырского генерала Дениса Давыдова Ея Императорского Высочества Великой Княжны Марии Александровны полк. Которая, по не такой давней традиции, буквально месяц назад приняла шефство над полком в ознаменование своего второго совершен-

нолетия.

Великая Княжна Мария Александровна, которая привычнее мне как Диана. Феечка, с которой мы совсем недавно играли в одну очень интересную игру в ходе матча с Самарской Академией. И которая открыто мне сообщила, что будет за меня по-настоящему болеть.

Болеть она за меня определенно собралась не просто по-настоящему, а скорее даже по-взрослому – потому что прибывшие ахтырцы действовали под стать ей. Так же, как и она сама совсем недавно в ходе нашей схватки, закончившейся поединком один на один.

Действовали гусары на самом деле дерзко и резко, причем безо всякой деликатности. К примеру, один из конвертопланов сейчас со скрежетом буквально упал на комплекс постановки помех, ломая антенны и выжигая часть аппаратуры струей из сопл вставших вертикально двигателей. И лишь переломав все антенны, конвертоплан сместился чуть в сторону, криво приземляясь на землю и выжигая пожухлый газон парка под мгновенно стаявшим снегом.

С посадкой задержалась именно эта, рухнувшая на комплекс Рупор машина, а остальные уже высадили десант. И пространство вокруг вновь, как и летом, когда дворец также наполовину лежал в руинах, заполнили многочисленные бойцы в темной с коричневыми вставками броне.

Несколько из них, офицеры, направились прямым ко мне. Причем двигались они, предоставляя право инквизито-

рам и опричникам обратиться у них с пути, явно не собираясь никого обходить. Несколько человек охранения стоящей рядом со мной группы опричников замешкались и отлетели в сторону – гусар было больше, да и пушки у них помощнее.

Ситуация стремительно сменилась на зеркальную – если буквально несколько секунд назад право силы было на стороне воинов света, то прибывшая кавалерия кардинально изменила расклад.

Апостольский визитатор, кстати, немного замешкался – ему, видимо, быстро отойти в сторону помешало чувство собственной важности. Происходящее оказалось для него настолько неожиданным, что епископ чуть было не получил прикладом по лицу. Очень вовремя граф Бергер успел все же вспомнить, что не на своей земле, суматошно отскакивая с пути ахтырцев.

Вот только брошенный взгляд цепких, близко посаженных глаз – скользнувший по спине едва не уработавшего его прикладом гусара, а после перекинувшийся на меня, как истинного виновника происходящего, мне не понравился. Очень не понравился.

Ахтырцы между тем как ни в чем не бывало рассредоточивались по территории и чувствовали себя как дома. Часть из бойцов сразу занялась эвакуацией раненого. Только сейчас – вновь обратив внимание на данные визора, от которых абстрагировался под коконом притворства, я вдруг увидел и понял, что сожженный озаренной Власов выжил. Судя по со-

стоянию, бывший князь сейчас балансировал на грани жизни и смерти, но его спас реанимационный комплекс – и буквально несколько секунд понадобилось, чтобы погрузить его в зависшую рядом с проемом в части обвалившейся стены здания машину.

Ординарец Власова, который приводил в порядок его броню, тоже выжил – и даже, судя по виду, почти не пострадал. Видимо, повезло не оказаться на пути разрушающих все вокруг конструкторов озаренной.

– Феликс Эдмундович... или как вас там, – обернулся я к Изотову, при этом не удержавшись от лишних эмоций. – Так вы наконец скажете, на каком основании столь нагло вторглись на чужую территорию?

С большим удовольствием я бы изменил сказанную им совсем недавно фразу, что всем псам инквизиции требуется сложить оружие и проследовать на плац для составления протокола о взятии в плен, иначе отдам приказ открыть огонь на поражение. К сожалению, уверенности в том, что, если я отдам такой приказ, гусары окажут содействие, у меня не было. Поэтому пришлось промолчать.

– Ваш невысокий ранг и низкий уровень доступа, господин барон, не позволяет вам этого узнать, к моему огромному сожалению. А теперь позвольте нам провести необходимые замеры для проверки поступившей информации, – сохранять лицо Изотов умел.

– Позволяю. Преосвященнейший владыко, – обернулся я

к епископу. Причем опять, наверное, зря не удержался и специально обратился к нему на православный манер, а не на католический. – Преосвященнейший владыко ввиду моего уважения к Святому Престолу может остаться для контроля работы ваших специалистов. Оставьте здесь необходимое количество исполнителей. Остальные... пошли вон отсюда, – выразительно глянул я в глухое забрало главного здесь, без сомнений, опричника.

Снова сознательно провоцировал. Да, возможно, делаю глупость. Но на эту глупость у меня были весьма весомые причины.

После моих слов над развалинами повисла тишина. Все же первое мое обращение «человек-собаке-друг» к неизвестному опричнику, наложившееся на прибытие кавалерии, слышало всего человек пять-десять. Сейчас же небрежный тон услышали почти все рядом присутствующие в радиусе нескольких километров. Я ведь по-прежнему в тактической сети находился в общем доступе рядового бойца, а не варлорда.

Тишина над развалинами повисла мертвая. Сердце отмеряло секунды словно метроном, и после нескольких отдавшихся в ушах ударов забрало неизвестного опричника наконец поднялось. После чего на меня спокойно, без лишних эмоций, посмотрели едва-едва подсвеченные сиянием магического отблеска глаза. Ну да, в комплекте экипировки возможности Источника блокируются, и даже высокоранговый

одаренный не сможет полноценно использовать силу стихии.

– Мне тоже покинуть твою землю? – с едва заметной усмешкой поинтересовался опричник, выделив интонацией слово «твою».

– Если будешь с приборчиком вокруг шныряться и искать черную кошку, которой нет, то оставайся. Нет, нет, – пожал я плечами.

Мой намек он, кстати, похоже, не понял. Видимо, первый раз в жизни услышал слово «шныряться», тем более применительно к себе. Но я бы, будь на его месте, в любом случае на это «нет, нет» внимание обратил.

А вот он нет.

Когда долго находишься на вершине мира, некоторые вещи замыливаются, а это может быть опасно. Но вот за кого-кого, а за этого господина мне точно волноваться нет причин. Не маленький, пусть сам о себе заботится.

– Есть в этом мире порода карликов, – по-прежнему спокойно посмотрел на меня обладатель синих глаз, – что, изыскивая защиту в обстоятельствах, будь то законы, женская юбка, сильные друзья или даже юный возраст, действуют несоразмерно нагло своей настоящей силой. Ты в своей короткой глупости юных лет забыл, на чьей земле находишься и кто здесь настоящий хозяин.

– Seriously? – даже не сдержался я, утрачивая бесстрастное выражение лица. Сделав шаг вперед, я подошел к опричнику ближе. – Ты забыл одно стержневое высказывание, на

котором держится весь хрупкий механизм... нашего молодого homo deus властия. Мы, – коснулся я указательным пальцем своей груди под горлом, а после этим же пальцем показал на опричника, – равные тебе, клянемся признавать тебя, равного нам, своим королем и правителем, при условии, что ты будешь соблюдать все наши свободы и законы; но если нет, нет. Творимый тобой беспредел под принятую цивилизованным обществом парадигму бытия не подходит. Объясни, где я не прав и в каком моменте Стихийный пакт превратился для тебя в ничего не значащую бумажку?

Опричник глубоко вдохнул, а чуть погода выдохнул. Внешне он был абсолютно спокоен и смотрел на меня с тенью усмешки. Да и внутренне, кстати, никакого лишнего напряжения от него я не чувствовал.

– Я услышал и увидел все, что хотел. Ты хорошо умеешь прятаться за законом, но подобные персонажи очень быстро исчезают на свалке истории. Но я все же надеюсь, что ты выплывешь и через два года мои секунданты смогут найти...

– Да хоть завтра, – прервал я опричника. – А теперь будь добр, давай до свидания. Если, конечно, не готов остаться, скрупулезно замеряя уровень концентрации запрещенной магии, которой здесь нет и не было.

Цесаревич Алексей, сохраняя достоинство, кивнул мне вместо прощания и, четко развернувшись, направился к одной из машин со свастикой на борту. Вместе с ним двинулся прочь практически весь прибывший отряд, а рядом с разва-

линами остались только Феликс Изотов, епископ граф Бергер и несколько человек их личной охраны.

Они все стояли рядом и пристально наблюдали за мной. И за Анастасией, потому что в этот момент она шагнула вперед, приближаясь ко мне почти вплотную.

– Дипломат из тебя, прямо скажем, не очень, – едва подрагивающим от волнения голосом произнесла юная княгиня.

– У меня только личных причин больше двухсот, чтобы в данной ситуации послать дипломатию в задницу, – со всей возможной в данной ситуации тактичностью произнес я.

– Больше двухсот? – не поняла Анастасия. – И что же это за причины? – голос ее с каждым словом леденел, теряя эмоции и становясь похожим на голос снежной королевы.

– К своему прискорбию, у большинства этих причин не то что не помню, а даже не знаю имен, – не глядя на Анастасию, я смотрел в спину удаляющемуся цесаревичу. Перед глазами же у меня стояло заваленное трупами защитников плато. – Но они, эти причины, есть. Поверь мне на слово.

Анастасия вдруг крепче сжала мою руку и резко, даже повелительно дернула, заставляя обернуться к ней.

– Мне очень не хочется быть ко всему этому причастной, – сухо произнесла она, глядя мне в глаза. – Я считаю происходящее одной большой ошибкой. Лично твоей ошибкой. И в ближайшее время предприму все необходимые меры, чтобы меня не отождествляли с тобой.

Отпустив мою руку, юная княгиня повернулась к Сады-

кову.

– Марат, мне нужно в больницу.

Анастасия на меня больше не посмотрела. Но я также проводил ее долгим взглядом в спину, когда она уходила в сторону одного из конвертопланов ахтырцев, который Садыков очень быстро организовал для доставки княгини в госпиталь.

То, что Анастасия только что сказала, не соответствовало действительности. Она сейчас, как и я совсем недавно, полностью сняла все ментальные барьеры. И по ее эмоциям я почувствовал, что она мои действия одобряет. При этом в ее словах не было ни страха, ни опаски – и показательное дистанцирование от моих действий несло определенно не причину того, что она опасается за род Юсуповых-Штейнберг. И не по причине того был этот спектакль, что она желала выгородить лично себя. Было бы так, я бы почувствовал – не зря же Анастасия открылась мне сейчас целиком и полностью.

Вот только разгадка истинных мотивов произведенной только что демонстрации мне пока недоступна, ее мысли прочесть не удалось. Но подумаю об этом позже. У меня сейчас и других дел достаточно – уже несколько секунд в дополненной реальности мигал вызов от Николаева.

– Мне доложили, что напряжение купировано, – коротко сказал он, едва установилась связь.

– Н-ну... в моменте если, да, – обтекаемо сформулировал я.

За короткой паузой Николаев явно спрятал просящееся на язык хлесткое высказывание предвкушения новостей.

– Что случилось? – вместо этого довольно нейтрально поинтересовался он.

– У меня в ближайшее время случайно нарисовалась дуэль с цесаревичем Алексеем.

– Пф. Я думал, будет хуже, – неожиданно не сильно-то и удивился Николаев. – Мы уже вылетаем, встречаемся в Латакии. Прошу, поторопись, у нас очень мало времени. И при этом постарайся больше не вызывать огонь на себя.

«Чего?!» – вообще не понял я ни смысла его слов, ни смысла огня на себя, ни вылета в Латакию, что вообще в Королевстве Сирия. Но спросить ничего не успел – не дожидаясь моего ответа, полковник отключился. А рядом со мной уже возник штабс-капитан Измайлов.

– В Латакию? – предваряя его слова, поинтересовался я, чувствуя, что капитан получил все указания.

– Так точно, – только и кивнул Измайлов.

– Здесь кто останется? – бросил я взгляд на местами дымящиеся развалины.

– Марат.

– Понял, поехали.

До аэродрома и непосредственно до трапа самолета добрались едва ли не дольше, чем до Латакии. Причем указание торопиться Николаев, видимо, дал не только мне – все встреченные мной сопровождающие действовали на макси-

мально разумном пределе своих возможностей. Видимо, настолько простой драгунский полковник Сергей Александрович Николаев может быть убедительным в своей просьбе.

Вокруг словно раскручивались невидимые маховики, заставляя всех двигаться на пределе возможной скорости, не теряя ни малейшего мгновения. Видимо, времени у нас действительно мало.

Вот только из-за чего?

По итогу до Латакии нас, вместе с Измайловым и тремя его бойцами – остальные остались в усадьбе, меньше чем за полчаса доставил суборбитальный челнок Военно-космических сил Армии Конфедерации. А вот прибыли мы на базу уже Императорского военно-воздушного флота.

Здесь, сбжав по трапу едва остановившегося на взлетной полосе массивного челнока, увидел, что меня уже ожидают. Совсем неподалеку, у готового к взлету турбореактивного конвертоплана собралась небольшая компания. Николаев, Эльвира, Валера, Модест и Надежда. Все, кроме Николаева, в форме команды Арктической гимназии. Даже, видимо, переодеться не успели.

Пока шел, бежал даже, до конвертоплана, мельком осмотрелся по сторонам. Взгляд привлекли современного вида истребители-перехватчики. С приметными и по-прежнему непривычными мне цветовыми обозначениями русской авиации – красно-сине-белыми кругами на крыльях и фюзеляже. Но более всего обратила на себя внимание раскраска

килей машин – каждый из которых был не серо-стального, как фюзеляж, а черного цвета, с белой «мертвой головой». Я такое видел совсем недавно на аэродроме базы Географического общества в Инферно. Видимо, здесь базируется тот же самый авиаотряд, летчики которого летают на винтовых истребителях и в нижнем мире.

Два истребителя-перехватчика между тем, пока я бежал к конвертоплану, раскатывались по широкой взлетной полосе. Свист турбин, короткий разбег, и оба – синхронно, свечкой взмыли в небо, едва шасси оторвалось от бетона. На бегу проводив взглядом уменьшающиеся на фоне голубого купола неба самолеты, я краем глаза заметил, как Модест и Надежда по жесту Николаева спешно направились ко второму конвертоплану. Туда же двинулся и Измайлов с бойцами. А мы все – полковник, Эльвира, Валера и я, погрузились в первый.

Едва я, последний, оказался в десантном отсеке, как машина дернулась и после короткого разбега взлетела. Когда пол под ногами взбрыкнул, я едва успел схватиться за поручень – пилот выполнил при взлете тот же самый маневр с разбегом на переднем колесе, который продемонстрировала мне однажды Саманта. Вот только эта машина была поновее и гарцевала значительно бодрее.

Я не успел даже словами поздороваться с Валерой и Эльвирой, как Николаев жестом привлек мое внимание, показывая присесть напротив. Поймав мой взгляд, он посмотрел

настолько выразительно, что обратить внимание на Эльвиру и Валеру после этого я даже не подумал.

– Куда и зачем мы летим? – быстро спросил я. Серьезный и торопливый настрой полковника понятен, но оставаться в неведении мне тоже не хотелось.

– На Кипр, но сейчас это не так важно. Есть пара важных вопросов, – быстро произнес Николаев.

– Или ответов? А то у меня есть ощущение, что я должен наконец узнать что-то весьма удивительное, – произнес я.

– Да, время настало, – не высказал никакого раздражения моей настойчивостью Николаев. – Но прежде расскажи мне обо всем, что случилось в Инферно.

Теперь я все же посмотрел на Эльвиру и Валеру. Коротко, больше для Николаева – но он ответил таким неувлимым жестом, в котором я ясно прочитал, что «коготок уже увяз» настолько, что смысла скрывать что-либо от принца и царевны нет.

– Почему я должен вам доверять? – спросил я.

Подумав немного, Николаев снял мгновенно материализовавшийся на пальце свой перстень одаренного и протянул его мне. Перстень, кстати, точь-в-точь как у меня, с гербом Ольденбургской династии. И так же, как и у меня, без римской цифры ранга, надо же.

– Возьми.

Очень говорящий жест – такое в здравом уме не стал бы делать ни один из одаренных. Потому что перстень – это как

часть души. С его помощью можно даже подчинить владельца или сотворить много не менее плохих вещей.

Перстень я брать, конечно, не стал. Но предложение полковника впечатление произвело. А судя по эху эмоций впечатление его действия произвели и на Валеру с Эльвирой. Причем на них гораздо больше, чем на меня.

Сам же я удивляться сильно не стал, а сжато и коротко рассказал полковнику о произошедшем на плато. И в тот момент, когда я сообщил ему о собранных мною перстнях Юсуповых, пленников и имплантах Некромикона, Николаев даже пальцами щелкнул.

– Mein lieber Vater! – только и произнес шепотом Николаев. – Вот оно что!

– Это важно? – практически без вопросительной интонации произнес я.

– Да (дробная характерная фраза на смеси немецкого и польского), это (дробная характерная фраза на смеси немецкого и польского) очень важно, и это многое объясняет, – глаза полковника, удивительное дело, полыхнули пламенем.

Я даже не знаю, от чего сильнее удивился – или из-за его матерщины на польском и немецком, или из-за столь явного и совершенно нетипичного для него выражения эмоций.

Я удивился. Но сам я уже второй раз слышал, как выражается Николаев. Первый раз был, когда мы с ним чуть не убили Ольгу. Эльвира же с Валерой были свидетелями подобного впервые, и оба серьезно ошалели.

– Две минуты, – бросил мне Николаев, забирая один из перстней Юсуповых и имплант Некромикона. После чего порывисто встал и удалился в другую, изолированную часть отсека, в командный пункт.

– Привет, – проводив его взглядом, обернулся я к Валере – он сидел напротив меня. После я посмотрел на Эльвиру, которая сидела рядом сбоку, на ряду сидений с моего борта.

– Здравствуй, – произнесла Эльвира. На меня она глянула коротко. И только сейчас я задним числом вспомнил вторичной памятью, что во время разговора она смотреть на Валеру или избегала, или бросала короткие, но буквально испепеляющие взгляды. Принц на это внимания, впрочем, сильно не обращал, а меня приветствовал делано небрежным взмахом.

– Рада, что ты цел, – коснулась моей руки Эльвира.

– Ты не знаешь, озаренные могут возрождаться слепком души? – улыбнувшись во все тридцать два, одновременно с ее словами поинтересовался Валера.

– Ты его завалил, что ли? – удивился я, сразу поняв, о ком речь.

– Я? Да как ты мог подумать? Несчастный случай.

– Эльвира, – обернулся я к царевне.

– Боже, за что мне это, – одними губами прошептала вдруг она.

– Да все под контролем было, – только и пожал плечами Валера. В голосе его слышались успокаивающие нотки, словно он повторял это уже не первый раз.

– Да пошел ты! – вдруг не выдержала царица, едва не переходя на крик.

Вот это поворот. При этом я почувствовал, что было бы у нее что-то в руках, она бы определенно в Валеру швырнула. Резко расстегнув ремни, царица поднялась и отвернулась от нас, уходя в другой конец отсека.

Да, похоже, не я один сегодняшнее утро в интенсивных и неоднозначных действиях провел. Если бы не было нашей кровной связи, я бы, может, и не догадался о причине вспышки царицы. Но связь была, неугасающая; кроме того, пока она поднималась, мельком успел заметить ее чуть повлажневшие глаза.

Определенно, Эльвира явно очень сильно, почти до истерики, перенервничала. И я даже знаю из-за кого, тут даже дедуктивный метод не требуется.

«Ты нормальный? Она за тебя реально переживает, ну выключи ты самовлюбленного мудака!» – беззвучно, мыслеречью поинтересовался я у Валеры.

– Да что за день-то, а? Все меня жизни учат! – вполголоса возмутился он. – Да, да. Да! Давайте, ругайте его, насмехайтесь над ним!

Эльвира, отошедшая в конец отсека, не оборачиваясь к нам, только за голову после этих его слов взялась, запустив пальцы в распущенные волосы.

– Так ты его завалил?

– Говорю же, несчастный случай.

– Это было опасно?

– Это было... так скажем, непросто, и совсем немного рискованно.

– Я в тебе не сомневался.

– Да кто бы говорил. Зеркало дать?

– Не надо, спасибо.

«Но на твоём месте я бы извинился».

«За что?»

«Она переживает из-за того, что ты едва не кинул кони».

«Бывает. Я действовал по обстоятельствам, за что мне извиняться?»

«Да какая разница за что? Она девушка!»

«И?»

«И тебе что, сложно?»

«Ну, если ставить вопрос так, то не сложно».

«К тому же, зная Эльвиру, не сомневаюсь, что извиняться есть за что».

«Вот это уже поклеп. Ещё одной дуэли не боишься?»

«Нет».

«Слабоумие и отвага».

«Нет. Рационализм и мудрость».

«Нет, давай я тебе все же зеркало дам».

«К тому же ты не совсем дурак меня вызывать, мы ведь в одну сторону воюем».

«Я вот это вот запомнил».

– Валера, – уже вслух произнес я.

– Артур, – точно таким же тоном ответил он.

Коротким взглядом я показал на Эльвиру. Валера после этого только руками развел, явно нехотя собираясь встать.

– Даже не думай. Сиди. Где. Сидел, – произнесла в этот момент так и не обернувшаяся к нам Эльвира.

Не знаю, что у них сегодня случилось и как и при каких обстоятельствах Валера убил Илью, при этом сам едва не погибнув. Но определенно это было непросто и очень опасно.

Взглядом показав все, что он обо мне думает, Валера все же, несмотря на слова Эльвиры, поднялся и подошел к ней, приобняв сзади за плечи. Эльвира дернулась, но не обернулась. И руки Валеры, как я подспудно ожидал, сбрасывать не стала.

Слушать, что он ей говорит, я не стал – в другой стороне как раз отворилась дверь изолированного командирского отсека, и оттуда появился Николаев. Безо всяких задержек он подошел ближе и, присев напротив, достал ассистант. Тапнув пальцем по экрану, полковник продемонстрировал мне картину горящего Елисаветграда. Несколько свайпов, и горящий город сменил другой, третий, четвертый, пятый... Все частично разрушенные, на заваленных телами улицах техника, везде густые дымы пожаров.

Кроме Елисаветграда, узнал Фамагусту, город на Кипре, – я там был и характерный береговой изгиб запомнил. Еще узнал Женеву. Остальные места были мне незнакомы.

Николаев же, продемонстрировав мне картинки разруше-

ний, начал пояснять.

– Во всех этих местах сегодня в одно и то же время произошло иномировое вторжение. Нигде, кроме Елисаветграда и Салема, прорыву демонов в наш мир противостоять не удалось. В остальных городах – местах прорыва сейчас везде явные следы Тьмы, и везде сейчас присутствуют псы инквизиции. Вот только они собирают информацию, помогают, вступают в бой с вторгшимися демонами, но... молчат.

– Молчат? В смысле не задают неудобные вопросы?

– Да. И думаю, именно из-за этого, – продемонстрировал добытый мной имплант Некромикона Николаев. – Благодаря тебе, и – возможно, атлантам из Салема, которые также не допустили прорыва, у нас есть информация о причастности воинов света к вторжениям. Это очень неудобная информация, которая не даст им действовать, как предполагалось.

«У нас». Судя по всему, это означает «у нас, как у одержимых».

– Понял. Думаю, настало время для моих вопросов.

– Скорее для моих ответов. Дабы не терять время, давай быстро и компактно.

По жесту полковника Эльвира и Валера подошли ближе. Эльвира вновь села рядом со мной, по-прежнему прожигая Валеру взглядом. Впрочем, не таким страшным, как минуту назад. Принц сел напротив нас, рядом с Николаевым. Тот в этот момент начал говорить, и в воздухе повисла аура удивления – многократно перекрывшая ту, которая возникла по-

сле его ругательств на польском и немецком. Потому что говорил полковник сейчас по-настоящему невероятные вещи, зайдя сразу с козырей.

– По плану, в ближайшее время государь император отречется от престола. Кто займет трон правителя Российской Империи, еще не определено. Ясно одно – это точно будет не император, а императрица – как дань уважения численному большинству одаренных женского пола.

В моем взгляде Николаев увидел или даже почувствовал невысказанный вопрос. Вслух озвучивать его я не стал, да и не собирался – все же Ольга и Саманта, сообщая мне о матриархальном заговоре, делились конфиденциальной информацией. И факт моего знания может оказаться для них дискредитирующим. Но полковник, судя по его дальнейшим словам, прекрасно понял мой невысказанный вопрос.

– Если ты думаешь о том, о чем я думаю, – усмехнулся он, – то матриархальный заговор лишь ширма. На фоне этого якобы восстания трон и должна занять компромиссная фигура из одаренных новой формации. Император при этом власть не потеряет, а, наоборот, приобретет – оставив одновременно с отречением и пост президента Российской Конфедерации, он займет должность главы совета Содружества Наций.

– Кто станет президентом?

Должность президента Российской Конфедерации – выборная. Но при контроле абсолютно всех средств массовой

информации, кроме узкого сегмента глубинного интернета, вопрос победы на выборах даже не ставился. Так что я даже не сомневался, что кандидат – если он, конечно, определен, уже назначен.

– Президентом Российской Конфедерации стану я.

Однако. Удивительно, но я почему-то не удивлен.

– Почему моя предстоящая дуэль с цесаревичем не вызывает никакого удивления?

– Потому что после того, как цесаревич продолжил совершать ошибки, Император решил, что он опасен для благополучия России. Это фигура, а не игрок. И... да, одним из твоих секундантов буду я.

– Вторым?

– Принц Леонид. Не думаю, что он откажется.

– Я пока не совсем понял, что происходит, но мне происходящее абсолютно не нравится. И роль ручного царевубийцы в том числе тоже, по здравому размышлению.

– Роль ручного царевубийцы тебе никогда и не предполагалась. Так сложилось без умысла. Без умысла со стороны твоих проводников, если быть точнее. Потому что именно Алексей был инициатором и главным интересантом твоей смерти на возможной дуэли, о которой я тебя предостерегал. Он же отправил к вам Спящего, и он же был главой разбитой группы заговорщиков, что планировали подселить в ваши тела кукловодов. Так что твоя с ним, именно с ним, дуэль планировалась им же изначально, еще с момента принятия

решения о проведении турнира.

– Им планировалась? – прервал я полковника.

– Да.

– Только им?

– Да.

– А для меня какие планы были?

– С некоторого момента самые серьезные. Не для тебя.

Для всех вас.

После этих слов Николаева я ощутил, как напряглась рядом Эльвира. Да и Валера явно насторожился.

– Ваш проведенный ритуал Кровавого союза сейчас секрет Полишинеля. И если вы втроем попадетесь в руки Инквизиции или опричникам, у нас всех сразу возникнет много проблем. Отдавать вас воинам света никто не станет, но и вытащить без большой войны будет сложно. Поэтому в ближайшее время, до финального матча, вам лучше находиться в скрытом режиме.

– Матч же завтра.

– Финальный матч российского национального турнира, как и остальных двух турниров, перенесен на неопределенный срок в связи с происходящими событиями. Если, конечно, вы до него доживете, – добавил полковник довольно буднично.

В связи с какими событиями перенос, объяснять не было нужды – картинки горящих и полуразрушенных городов и так стояли перед глазами. Но вот причина его скепсиса ин-

тересовала сильнее. Впрочем, я – как и Эльвира, и Валера, от вопросов пока удержался. Было еще много чего, о чем хотелось узнать из прошлого.

– Так что планировалось, планируется, вернее, для меня? Для нас?

– Ты сам, без малейшего обучения, уже можешь самостоятельно пересекать границы миров. Это факт. Есть предположение, что ты можешь стать нашим проводником в иные миры.

– Стать проводником может Артур, – произнесла вдруг Эльвира. – Почему в конструкции использованы именно «мы»?

– Потому что Артур пока лишь смог освоить перемещение из Второго Инферно, Йотунхейма, в наш мир. Перемещение по маяку – на алтарь рода Юсуповых-Штейнберг, где проходил инициацию. Это довольно яркая метка, если вы понимаете, о чем я.

По поводу остальных миров. Есть обоснованное предположение, что, попав в Ванахейм, или Альбион – как называют его британцы, вернуться домой Артур не сможет. Самостоятельно не сможет. Ванахейм, по последним данным, находится... скажем так, в пространстве из «никогда и нигде» дальше, чем Йотунхейм. И, попав туда, – обернулся ко мне Николаев, – далеко не факт, что сумеешь вернуться обратно. Для этого тебе будет нужна путеводная нить. Ваша же связь для этого подходит как нельзя лучше, кровь – не водица. Ну,

по крайней мере, пока никто не может больше предложить других, лучших вариантов.

– Ясно. Мы сейчас в Фамагусту?

– Да. И как раз там мы сейчас проверим, сможешь ли ты вернуться в наш мир по маяку вашей связи Кровавого союза. По нарисованной вашей кровью путеводной нити.

– То есть мне сейчас предстоит рискнуть не глядя.

– Именно так.

– В Альбион?

– Нет. В Шэдоулэндс.

– Это же Изнанка.

– Не совсем так. Тебе предстоит пройти дальше, за ее границу.

– Куда уж дальше?

– Если конкретнее, то предполагаю, что прямо в Ад.

– Воу. Звучит так, как будто вопрос моего путешествия уже решен.

– Именно так.

– То есть опция спросить мое мнение в пакетном туре горячей путевки даже не предполагается? – от напряжения момента я даже на сарказм сбился.

– Предлагается. Но мы с тобой похожи, так что я сужу по себе. И думаю, что отказаться от горячей путевки, как ты выразился, просто не сможешь.

Конвертоплан между тем резко клюнул носом, а в животе у меня возникла легкость невесомости. Занервничал даже

было, но, как оказалось, мы просто садились. Приземлились прямо во внутреннем дворе крепости Фамагусты, пролетев через многочисленные стелящиеся дымы пожаров.

– Вперед, вперед, у нас мало времени, – выдохнул Николаев, поднимаясь и выпрыгивая на улицу.

Переглянувшись, мы с Валерой и Эльвирой поторопились следом.

Кипр в этом мире оставался колонией Великобритании. И крепость Фамагусты, города процветающего в отличие от своего двойника в моем мире, здесь была восстановлена в первоизданном виде.

Вернее, в первоизданном виде она существовала до недавнего времени. Если точнее – до сегодняшнего утра. Потому что последствия вторжения были здесь прекрасно видны – даже не все тела защитников еще убрали, не говоря уже о нападавших.

Этих тварей я рассмотрел внимательно. Хотя и практически на бегу – Николаев торопился. Но тварей было настолько много, что информации к восприятию хватало.

Некоторые существа еще даже шевелились, с мерзким шипением, похожим на змеиный шепот. Вторгшиеся здесь из иного мира твари были непохожи на демонов, которые атаквали плато в Инферно. Эти существа больше напоминали ящеров.

Да, демоны-ящеры, причем тронутые Тьмой – надо многими все еще клубились истончающиеся лоскутья. Мутан-

ты – вновь догадался я, перешагивая и осматривая половину тела одной из убитых тварей. Определенно мутанты; только если в случае с бурбонами материалом для создания стал человек и... наверное, какой-то костяной демон, то на примере этих тварей можно уверенно предположить, что в них скрестили человека и существо, отдаленно похожее на крокодила или варана.

Вообще по виду разрушений и снующим вокруг морским пехотинцам выглядело все так, словно здесь вторжение закончилось совсем недавно. Хотя так оно и было – вон буквально только что устроенный прямо на земле полевой госпиталь, откуда раздаются крики раненых и видно мелькание зеленых всполохов лекарской магии; вон шевелятся недобитые демоны, периодически звучат выстрелы – добивают. Над головами то и дело проносятся звенья штурмовиков морской авиации – причем не только британские, но и греческие.

Осматриваться и вслушиваться в окружающий фон и пейзаж, впрочем, долго мне не удалось. Мы уже зашли, вернее, забежали в башню крепости, поднимаясь на самый верх по винтовой лестнице. Здесь, на выходе на верхнюю площадку, нас ждал сэр Галлахер. Выглядел магистр темных искусств... примерно так же, как и я, когда покидал плато. Даже похуже. Вот только мне раны доставляли немало неудобств, а вот сэр Уильям Джон на свои, определенно более серьезные, чем у меня, недавние повреждения внимания не обращал. Даже отсутствие одного глаза и проглядывающая сквозь сорван-

ную кожу скулы кость ему совершенно не мешали сохранять спокойствие концентрации.

– Быстрее, быстрее, у нас мало времени! – не своим голосом (посмотрел бы я на того, кто с таким лицом будет говорить своим голосом) подгонял нас сэр Галлахер. Он даже, по-моему, поторопив нас, успел с Николаевым за руку поздороваться.

Но я уже наблюдал за происходящим краем глаза. Потому что в самом центре площадки, на камнях, щедро залитых кровью – красной, человеческой, и густой зеленой кровью демонов, лежало безжизненное тело Саманты.

Глава 4

Сбросив накотившее оцепенение, я в несколько шагов преодолел разделяющее нас расстояние и опустился на колени перед Самантой, аккуратно взяв ее за руку.

Принцесса была... не мертва. Но не была она и живой – я не почувствовал никаких эманаций, сопровождающих ауру любого одаренного.

Передо мной лежало обычное человеческое тело без признаков жизни. Но и без признаков смерти. Физически, предполагаю, это тело сейчас в глубокой коме, или даже в состоянии летаргического сна.

Причем именно так – тело. Передо мной лежала сейчас не Саманта; даже если получится сейчас это тело реанимировать и заставить открыть глаза, Самантой оно не будет. И к жизни она не вернется – на этом физическом носителе просто отсутствует душа.

Вот так выглядит истинная смерть одержимого – с содроганием понял я. И если Саманта, вернее, ее тело сейчас скончается, саму Саманту будет не воскресить слепком души. Потому что этой самой души в теле нет. И самое поганое, что я не чувствую у безжизненного тела связи с душой принцессы.

«Да как так-то?»

Пока я, пытаюсь привести мысли и чувства в порядок, взглядывался в такое спокойное и умиротворенное вне жиз-

ни лицо, вокруг меня рождалось движение уверенных действий. Видимо, один я здесь был неосведомленным участником, а все остальные определенно знали, что и как нужно делать.

Сэр Галлахер и Николаев, едва вышли на площадку башни, принялись очень, очень быстро чертить на камнях пентаграмму. Делали это они с помощью истинной Тьмы, даже не прикрывая и не маскируя ее Огнем.

Сразу после того, как заключенная в круг пятиконечная звезда – в центре которой теперь лежало тело Саманты, была закончена, Николаев принялся расставлять Эльвиру и Валеру, инструктируя. По-прежнему сидя рядом с Самантой, пытаюсь уловить хоть искру жизни в ней, я видел все это краем глаза. И поднял взгляд только тогда, когда сэр Галлахер подошел ближе и присел на одно колено рядом со мной и телом принцессы.

Сохраняя молчание, магистр темных искусств предвосхитил все мои вопросы и взглядом единственного глаза показал молчать. После этого положил правую ладонь на камни, смахнув с них пыль. Выбрал при этом он не тронутое разлитой и уже запекшейся кровью место. Второй рукой сэр Галлахер перехватил мое запястье.

Касание его руки по ощущениям оказалось сродни шлифующему прикосновению раскаленного напильника-рашпиля с очень крупными зубьями. На руку я не смотрел, но впечатление, что кожу словно стесало, а вся кисть за мгновение

будто оказалась в кипящем масле. При этом мне, впрочем, стало не столько больно, сколько не по себе. Вплоть до озноба по спине – ощущения были точь-в-точь такими же, какими приводил меня в чувство веры в реальность происходящего Астерот, когда мы впервые с ним встретились.

Подумал я обо всем этом за доли мгновения, почти сразу абстрагировавшись от боли прикосновения и внутренним взором наблюдая чужие картинки воспоминаний. А конкретно – воспоминания сэра Галлахера. Причем воспоминания не прямые – он сейчас срисовывал с памяти места тени произошедшего.

Уверенность в этом утвердилась, когда на периферии зрения пространство вокруг подернулось мгlistой пеленой; образы событий возникали в серой дымке, такой же, в которой я сам совсем недавно наблюдал тени прошлого в кабинете Петра Алексеевича.

Вот только сам я недавно, глядя на тени прошедших событий, видел все в неясных и призрачных, даже плавающих очертаниях. Сейчас же яркие краски воспоминаний просто поблекли, акцентировались черный и белый цвета, при этом контраст и четкость изображения остались. И словно в покaдровой прокрутке негативов фотопленки я наблюдал произошедшее здесь совсем недавно.

По безмолвной картинке происходящего понять подноготную события оказалось просто. Характерное построение, характерные позы, движения, пассы рук и мимика: Саман-

та, еще живая, стояла одна из многих в составе группы поддержки сэра Галлахера. Магистр темных искусств отсюда, с вершины башни, подготавливал конструкт для закрытия активировавшегося портала в подвалах крепости.

И судя по тому, что демонов вокруг не было – даже намеков на их появление, портал в этот момент едва-едва открылся. Причем закрывать его сэр Галлахер собирался весьма грубо – так, как можно закрыть жерло колодца брошенной сверху многотонной бетонной плитой.

В тот момент, который сейчас показывал мне в тених прошлого сэр Галлахер, Саманта искусно плела конструкцию в поддержку магистра – чтобы того не догнало откатом заклинания. Откатом, который всегда приходит после создания конструкта, превышающего порог силы одаренного. Но перед самым моментом кульминации, перед тем, как сэр Галлахер завершил создание конструкта, Саманта получила удар в спину.

Медленно и в раскадровке я увидел, как один из стоящих по периметру зубчатого парапета башни телохранителей принцессы сбросил шлем и перчатку. Обычный человек, обычные глаза; сам невысокий и темноволосый. При этом двигался он быстро, причем быстро нечеловечески. Едва сбросив шлем и перчатку бронекостюма, он собрал вокруг ладони концентрированную силу и ударил. Бил дистанционно, даже не приближаясь к принцессе. И подобный удар я видел совсем недавно, в исполнении Баала, когда тот вышиб

душу из Мархосиаса.

Сэр Галлахер демонстрировал мне сейчас замедленную картинку времени, буквально кадр за кадром. И я увидел, как Саманта сбрасывает с рук незаконченное плетение, полыхнувшее огненным смерчем. Видел, как она крикнула что-то, явно предупреждая сэра Галлахера. Одновременно с этим нанес удар спрятавшийся под личиной телохранителя враг.

Саманта успела почувствовать и, возможно, даже предвидеть его атаку. По крайней мере, действовать она начала еще даже до того, как офицер-телохранитель поднял руку, чтобы сбросить перчатку. При этом – а она определенно жила в моменте ускоренного времени, принцесса даже не попыталась обернуться. Она решила спрятаться, уйти от атаки. Наверняка оттого, что почувствовала всю мощь готовящегося сзади удара – а эту холодную мощь чувствовал даже я, глядя сейчас в черно-белом негативе на картинку воспоминаний. И принцесса, даже не оборачиваясь, шагнула вперед, прячась в Изнанке.

Саманта практиковала шаманизм. Она не повелевала, а разговаривала со стихиями – и при плетении конструктов результат получала часто пусть и мощнее, но при этом гораздо медленнее, чем повелевающие стихией одаренные. Но в силу специфики шаманизма, с Изнанкой мира, с обиталищем духов, Саманта была на короткой ноге. И в этом могла дать любую фору одаренным. Именно поэтому она, уходя от

удара, в буквальном смысле покинула тело, прячась за границей мира.

Мы с Николаевым такое не изучали. С фон Колером тем более.

Что, впрочем, неудивительно. Все одержимые в этом мире – в своем роде первопроходцы. Изучение темных искусств – даже не молодая, а новорожденная наука. У одаренных, за сто лет существования, на возможных путях развития уже гораздо больше маяков и флажков. Та же Марьяна – живой (до недавнего времени) пример бесполезной силы.

Марьяна, которая, оперируя силой земли, просто начала развиваться не в том направлении и, достигнув одного из наивысших рангов, уткнулась при этом в низкий порог возможностей. Даже феечка из команды Самарской Академии, также адепт Силы Земли, гонявшая нас с Эльвирой в недавнем поединке, могла один в один превзойти в эффективности боевых возможностей бывшего директора елисаветградской гимназии. Хотя ранг ее в два раза ниже.

Совершенствуются одаренные, многие из которых идут уже по проторенной дорожке, совершенствуются – пусть и с большим для себя риском, одержимые. Если для одаренного самая главная опасность в выборе неправильного пути, ограничивающего возможности, то одержимые за каждый неправильный выбор платят жизнью.

Но, несмотря на опасность, прогресс освоения возможностей на месте не стоит. Двигаясь вперед семимильными

шагами – приходя часто к результатам, доступным лишь избранным. Потому что, обучаясь у одних из лучших специалистов по темным искусствам, за все полгода новой жизни я не слышал ничего об увиденном только что способе устроить одержимому истинную смерть. В буквальном смысле выбив из него душу, еще и разорвав контакт с привязанным к физическому телу слепком.

Причем за сегодняшнее утро, пусть и содержательное событиями, вижу подобное уже второй раз. Но в первый раз, справедливости ради, подобное сделал целый архидемон, а вот здесь... точно не высшая сущность. Обычный исполнитель.

Саманта в отличие от меня о подобном способе убийства знала. Ну, или обладала дьявольским чутьем – потому что, почувствовав атаку сзади, мгновенно приняла решение попытаться спрятаться в Изнанку мира, даже без попытки отразить удар.

И, если бы она успела скрыться за границей, у нее бы получилось – вся мощь удара ушла бы впустую. У нее даже синяка бы не появилось – физическое тело мощь удара абсолютно не затрагивала. Но Саманте не хватило буквально доли мгновения, и выбивающий душу удар догнал ее в полупозиции, когда она еще не полностью скрылась за границей Изнанки. И не переместившуюся до конца в астральную проекцию душу Саманты буквально вышвырнуло прочь – и из мира, и из Изнанки, отправляя куда-то дальше. Гораздо

дальше.

Картинки образов потеряли четкость, расплываясь. Сэр Галлахер разорвал контакт, отпуская мою руку – при этом мгновенно отпустила и боль. Впрочем, эхом памяти несколько мгновений событий после атаки на Саманту я досмотрел. Увидел и как рушится противоположная часть цитадели, попав под действие вышедшего из-под контроля конструкта, и как в кровавых брызгах ловит откат заклинания сэр Галлахер, а несколько его ассистентов буквально взрываются, превращаясь в багряную взвесь.

«Не попал» – понял я. Догадавшись, что, выбив из построения Саманту, предатель-телохранитель еще и сбил построение конструкта магистра. И вторжение демонов здесь оказалось успешным именно потому, что портал не был закрыт, а предназначенный для него убийственный конструкт разрушил не арку портала, а почти половину цитадели, внося сумятицу в ряды защитников.

Судьбу атаковавшего Саманту телохранителя-предателя я, кстати, в потухшей картинке воспоминаний не увидел.

– Куда? – только и поинтересовался я вслух, посмотрев в единственный глаз сэра Галлахера.

Посмотрел, но почти сразу же взгляд быстро отвел, мельком глянув на свою руку. Туда, где еще помнилось стачивающее плоть жжение. Подспудно ожидал увидеть прожженное до кости мясо, но ничего – чистая кожа, неповрежденное запястье. Впрочем, неудивительно, я уже с таким сталкивался.

– Shadowlands. Отражение нашего мира. Зеркальное отражение, – между тем проговорил сэр Галлахер.

Голос у него сейчас... неприятный. Одновременно хриплый, булькающий и каркающий. Но с такими травмами хорошо, что вообще говорить может.

– Как я туда попаду?

– Так же, как и она. Смоделируем в точности момент, и я вышибу твою душу из этого мира. Просто держись крепче и старайся не потерять себя.

– Это... сработает?

– Должно.

– Это безопасно?

– Не знаю.

– Саманта вообще жива?

– Наверное, да. Не могу точно сказать, – магистр темных искусств был со мной предельно честен.

– Если у меня получится, что меня там ждет?

– Я не знаю.

– Кто-нибудь еще там был?

– С чужих слов. Это было давно, и неправда.

– Хотелось бы поподробнее.

– Ад Данте, ты должен быть знаком с этим произведением.

Что? – переспросил сэр Галлахер почти сразу в ответ на мой комментарий на русском.

– Если я найду Саманту, что мне делать? – не стал я повторяться.

– Попробуй вернуться вместе с ней. Сейчас, когда все будет готово к отправке, объясню как.

– Мм, план просто великолепный.

– Другого нет, прости. И... тебе нужно сделать это как можно быстрее – время уходит. Я чувствую, знаю, что ты можешь добиться успеха. Но с каждой секундой эта вероятность падает, и тебе нужно спешить. Некогда объяснять подробно, просто поверь мне.

После этих слов я переглянулся с Николаевым, и полковник кивнул.

Предчувствие. Предвидение. Есть такая способность у одержимых – у меня она проявляется за покерным столом, когда я знаю, буквально чувствую момент для входа в игру, осознавая стопроцентную вероятность выигрыша. Пусть даже находясь в этот момент в совершенно невыгодной позиции.

– Н-ну... в принципе, если вопрос стоит так, то я уже готов, – внимательно глядя на Николаева, проговорил я.

«Да это блудняк какой-то», – не замедлил одновременно с принятым решением подсказать мне внутренний голос.

Как оказалось, готовы были и остальные. Место сэра Галлахера было за границей круга – он собирался выбивать из меня душу, и его присутствие в пентаграмме не требовалось. В нижних углах звезды встали Валера и Эльвира. Я стоял над телом Саманты, в центре пентаграммы, Николаев расположился в верхней ее точке, прямо за моей спиной.

– Тебе нужно оставить здесь твой нож и перстень, – произнес сэр Галлахер.

«Да реально блудняк!» – внутренний голос уже кричал.

– Нож? Почему?

– Это... не другой мир, это отражение нашего. Для того чтобы вернуться сюда, тебе не нужно будет никуда лететь и прорезать бесконечное пространство реальности. Нужно просто сделать шаг назад, а нож и перстень послужат якорями. Но! – вдруг поднял палец и пристально посмотрел на меня единственным глазом магистр. – Это мое предположение, не принимай его как единственно верную данность. И действуй по обстоятельствам.

– То есть я сейчас иду туда, не знаю куда, и что мне там делать – тоже непонятно.

– Да. Поменьше слов, побольше дела, пожалуйста.

В ответ я произнес емкую и короткую фразу. Тоже на «П», как Юра в преддверии своего путешествия в неизведанное. Только я сэкономил одну букву, уложился в шесть, а не в семь, как в его оптимистическом «Поехали».

Одновременно с восклицанием заставил клинок кукри материализоваться и бросил его Валере.

– Не потеряй, – поймал я его взгляд, а мгновением позже снял с пальцев левой руки сразу три перстня. Мой личный и два подчиненных – Иры и Ады, с по-прежнему пульсирующими мотыльками душ. Перстни полетели Эльвире, которая поймала их один за другим. Перстни Иры и Ады она убрала

в карман, а мой сжала в руке.

– Как с подкреплением? – обернулся я к Николаеву. Не мог уйти в другой мир, не поинтересовавшись, прибыли ли на плато дополнительные силы – о чем мы договорились еще во время полета, когда я рассказывал ему о бое у портала.

– На месте, – коротко ответил Николаев.

– Отлично. Ну, теперь... поехали, – произнес я все же полагающиеся и подходящие к моменту слова.

Сэр Галлахер, который пределы круга пока не покинул, немного поправил меня, выставляя над телом Саманты. В том же самом месте, но направляя лицом в противоположную сторону от той, куда смотрела она в момент атаки.

– Так будет проще, – пояснил он негромко, вымеряя расстояния и явно прокручивая в мыслях предстоящие действия. После чего жестом потребовал от меня вытянуть руки.

Вот это самая неприятная часть процесса – для которой мне еще и рукава пришлось закатать. Два быстрых взмаха, полоснувших по запястьям вдоль, и из разрезанных вен хлынула кровь. Магистру темных искусств даже нож не потребовался – резал он удлинившимся ногтем, превратившимся в длинный и острый коготь. Причем коготь без тени Тьмы – управляемая трансформация тела, я к такому умению еще даже близко не подошел.

Порезы оказались глубокие, качественные. Вот только кровь из них не хлынула на землю – повинувшись силе маги-

стра темных искусств, тягучая багряная жидкость, выливаясь из раны, парила в воздухе, левитируя. Почти сразу потянувшись тонкими, будто живыми переплетающимися ниточками к стоящим в нижних углах пентаграммы Эльвире и Валере.

Они, каждый, вытянули руки навстречу багряной паутины и перехватили паутинки нитей моей крови. Которые, став еще больше похожими на живые, обвилились вокруг их ладоней и запястий. Также уже взрезанных – но не так щедро, как у меня, без вскрытых вен. И сразу, как слабым электрическим разрядом, меня ударило ощущением усиления нашей кровной связи.

– Готов? – спросил сэр Галлахер.

– Как пионер, – на русском ответил я. Фразу магистр определенно не понял, но интонацию услышал. И размахнулся для удара. При этом мне по коже повело отзвуком невероятной силы – сконцентрированной вокруг его ладони. Причем природу этой силы я даже близко бы не сказал – это было что-то прежде мне неизвестное.

Приготовившись и сконцентрировавшись для удара, сэр Галлахер глянул над моим плечом.

– Триста... начал отсчет стоящий позади меня Николаев, – тридцать... три!

На счете «тридцать» я вошел в скольжение – первого уровня, без фанатизма. И шагнул в Изнанку, полностью иницируясь в астральной проекции и разумом покидая пре-

дела мира. Сэр Галлахер, который сейчас двигался гораздо быстрее, наблюдал и контролировал все мои движения. И, поймав тот же самый миг полупозиции, в котором оказалась Саманта, ударил.

Ощущения такие, как будто в меня стоящего прилетел огромный молот или даже разогнавшийся скоростной поезд. Обычный человек вряд ли в данном случае почувствовал бы что-либо, кроме мгновенной краткой вспышки. Но это обычный человек – а я находился в состоянии скольжения.

И это было больно. Очень медленно и очень больно.

Когда пришел в себя и когда в груди закончился воздух рвущегося неконтролируемого крика, увидел покатые булыжники пола и устилающую их солому.

В средневековых замках раскиданная по полу солома, хорошо впитывающая влагу и нейтрализующая запахи, использовалась для того, чтобы скрыть продукты жизнедеятельности человека и населяющих замки животных. Особых манер тогда не знали, мусор до урны не доносили, а слуги солому просто меняли. Или же даже не меняли, а старый утоптаный слой закрывали новой, свежей.

В этом замке, на той части пола, которую я мог наблюдать, никаких признаков средневековой жизни не было. А вот солома была; как дань, предполагаю, аутентичной картине. Хотя какая может быть аутентичность у замка, находящегося в межмировом пространстве, судя по звездному пейзажу открытого космоса, проглядывающему в узкие отверстия бой-

ниц?

– Я умер? – привычно поинтересовался я, поднимаясь.

Только вот говорил очень осторожно и негромко, даже сдавленно. При этом состояние было... отличное. Ощущение полного и абсолютного здоровья. Дискомфорт, заставляющий сгибаться и говорить осторожно и шепотом, приносило только эхо испытанной совсем недавно боли. И страх ее возвращения.

– Мне отвечать с эссенциальной точки зрения? Или экзистенциальной? Или вовсе начнем с вопроса «что есть сущее?» – позволил себе покровительственную полуулыбку Астерот.

Как и во время наших предыдущих встреч, здесь архидемон щеголял в пиджаке, потертых джинсах и кедах. Вот только в прошлый раз кеды были синего цвета, до этого ярко-красного, а в этот раз он переобулся в старую черно-белую классику. Это было особенно заметно сейчас – архидемон сидел на краю массивной дубовой скамьи, закинув ногу на ногу.

– Мне бы попроще объяснение, – не сдержался и выдохнул я в расстройстве. Видимо, сэр Галлахер все же напутал со своим предчувствием железной уверенности и что-то определенно пошло не так.

– Чай, кофе? Может быть, что покрепче? – по-прежнему не убирая гостеприимной улыбки с лица, поинтересовался Астерот.

– Морковный сок, если можно, – очень осторожно проговорил я.

Эхо прошедшей боли было настолько сильным, что не верилось в ее уход. Казалось, одно неосторожное движение – и медленно выворачивающая нутро мука моментально вернется.

– Можно, отчего же нет? – между тем произнес Астерот.

Еще до того, как он закончил говорить, я увидел на столе высокий стакан с оранжевым густым соком. Который, как я только сейчас понял, стоял там еще до того, как архидемон задал вопрос, а я выбрал напиток. И этот самый стакан, как сейчас вижу в картинке воспоминаний, стоял на столе еще в тот момент, когда я обратил внимание на черно-белые кеды архидемона.

Игры со временем, ну да, ну да.

Вот только... если эти ребята так умело играют со временем, осознавая его не как мы – лишь только миг между прошлым и будущим, а наблюдая и даже воздействуя на реку времени гораздо выше или ниже по течению, почему у них тогда происходят столь серьезные ошибки? Как у Баала со мной, когда он не смог меня отвлечь от меча бурбона, или у Люцифера (если это был он), который даже не смог организовать раскраску вторжения демонов в черный цвет одержимости?

– У нас с тобой сейчас бесконечность времени, – прервал мои мысли Астерот, – но исчезающе малое количество воз-

возможностей. Поэтому буду краток. Мир, в котором ты сейчас проживаешь свою истинную жизнь, обречен.

При этих словах Астерот поднял руки и, сгибая пальцы, показал жест кавычек.

– Почему он... «обречен»? – жест повторять я не стал, а кавычки в вопросе озвучил интонацией. Мне, впрочем, ни интонации, ни жесты в беседе с архидемоном не нужны – он ведь мои мысли как открытую книгу читает.

– «Обречен», – снова показал кавычки Астерот, – потому что кое-кто из находящихся в этом кабинете может, как ты выражаешься, вытянуть. Вернее, нет, не вытянуть, а как это по-русски... – пощелкал пальцами Астерот. – Может за-тащить, вот.

– Мир... обречен. Это его естественное состояние? – поинтересовался я, намекая на ситуацию для мира во время нашего первого разговора, когда мы с архидемоном подписывали контракт.

– Скрывать не буду. Вследствие некоторых событий, к которым оказался причастен в том числе и ты, состояние «обречен», – вновь поднятые руки и характерный жест, – наступило на сотню-другую лет раньше.

Так. Приплыли.

Чтобы собраться с мыслями, глоток вкусного и душистого морковного сока оказался весьма кстати.

Вопрос – не совершил ли я ошибку, соглашаясь на подписание контракта? Если цена моей жизни – судьба целого

мира, вдруг ставшего обреченным?

– Совсем обречен? Бахнут так, что весь мир в труху?

– Именно так. Бахнут, – даже поднял палец Астерот. – Так, что весь мир в труху. Но... прошу, не переживай. Ты, конечно, в фокусе внимания происходящего, но непростые процессы с этим миром начались, так скажем, задолго до твоего появления. А лишние сто-двести лет? Капля в океане времени. Этот мир и был обречен, у него не было хороших вариантов развития. Просто их было много больше – плохие, очень плохие и даже ужасные.

Астерот, положив подбородок на кулак, вдруг изобразил самую настоящую дьявольскую улыбку.

– Я вижу, о чем ты думаешь. Даже пытаюсь скрыть от меня свои мысли. Но не волнуйся, я перед тобой сейчас не лукавлю, говорю правду и одну только правду.

– Было бы удивительно, если, желая обмануть, ты бы меня об этом заранее предупредил.

Астерот в ответ на это только рассмеялся. Искренне и заразительно.

– Да, выбора у тебя, в общем-то, нет. Ладно, вернемся к нашим титанам. Сейчас, если не учитывать фактор моего вмешательства... да-да, не учитывать именно тебя, вбитого вовремя клином в колесо предназначения, у твоего нового мира только лишь два варианта. Первый – власть Тьмы, в первозданном ее виде, чего пытается добиться Люцифер. В случае если у него получится, это будет очередной гиблый

мир без людей. Хранилище, так скажем, материи. Если же все пойдет по сценарию Баала, то как результат – стерильный фашизм власти технократического общества...

– Это же не совсем ужас. По крайней мере, не для всех.

– Для всех, – отрезал Астерот. – Если ты о вершине социальной пирамиды, то это будут уже не люди. И этот вариант, пожалуй, для населения даже похуже будет. Лучше, как говорится, ужасный конец, чем ужас без конца. И мир этот, если пойдет по плану Баала, станет, так скажем, хранилищем не материи, но материала.

– Этот мир не относился к тем, где у тебя было серьезное влияние, – произнес я, вспоминая наши прежние беседы. – Более того, он был тебе недоступен. А теперь...

– Да-да. Но некоторые события довольно сильно провернули колесо возможностей. Причем, – уважительно поджал губы Астерот, – происходящее стало удивительным не только для меня, но и для других игроков. Эффект бабочки, если ты понимаешь, о чем я.

– И по итогу происходящего Баал и Люцифер, которые разыгрывали партию за власть над этим миром, в результате возникшего хаоса решили объединиться для его уничтожения? – поинтересовался я, теперь понимая подноготную совместных действий других архидемонов.

– Вот поэтому, за умение видеть самую суть событий, я тебя и выбрал, – улыбнулся Астерот. – Да, именно так. Им обоим теперь выгоднее этот мир погасить.

– Чтобы не пустить тебя туда?

– Нет, отнюдь. Чтобы не выпустить этот мир из своих рук. Сейчас я тебе объясню. Представь себе... допустим, в некоем сферическом вакууме расположился южный приморский город. В городе все отлично и прекрасно. За исключением всего одной серьезной проблемы – проблемы уличных кошек. Кошек в городе любят, но в какой-то момент их стало слишком много. Им не хватает еды, некоторые приюты переполнены, больных кошек все больше, а жителям не нравятся и страдания бедных животных, и бездействие властей по этому поводу.

У мэра города, причем у мэра, который еще не пришел к власти, сейчас есть только два пути. Первый – банально потравить всех кошек. Не забывай, – отреагировал на мой взгляд Астерот, – мы сейчас смотрим на ситуацию высоко сверху. Поэтому я рассказываю тебе все утрированно. При этом, ты сейчас поймешь, все утрировано, но верно до мельчайших деталей. Итак, вариант первый заключается в том, чтобы просто взять, – щелкнул пальцами Астерот, – и выключить всех кошек. Люди пошумят, но быстро забудут. И проблема кошек будет решена навсегда – мы в вакууме, им больше неоткуда взяться.

Либо кошек можно не травить, но убрать с улиц целиком и полностью. Стерилизовав, так скажем, от них весь город. Всех животных лишит свободы – выловить, загнать в приюты, поголовно кастрировать и рассадить по пронумерован-

ным клеткам доживать свой век. При этом ввести строгие нормы, чипирование и полный контроль животных. По глазам вижу, что второй вариант не вызывает у тебя сильного отторжения. Но представь, что ты рыжий уличный кот, гроза голубей, повелитель двора и хозяин задворок магазина. Ты привык лежать на солнышке, лизать, допустим, заднюю лапу и в марте-апреле гоняться за симпатичными кисками. Проблемы остальной популяции котов тебя не сильно волнуют. Как тебе перспектива кастрации и пронумерованная клетка? О, я вижу, что ты хочешь что-то сказать.

– С «кошками», – теперь уже я не удержался и жестом показал кавычки, – можно провести работу и без геноцида, и без концлагеря.

– Именно. Exactly! – улыбнулся Астерот, выглядящий довольным. – Я ждал от тебя именно этого. Теперь говори как.

– Н-ну... да хоть модель Зеленоградска, – просто сказал я, подразумевая курортный город в Калининградской области моего мира, прозванный городом кошек за особое к ним отношение. Причем и на уровне городской администрации.

Не думаю, что архидемон был в «том» Зеленоградске, но, о чем речь, естественно понял. А может, и был, чем черт не шутит.

– Да, все верно, – кивнул Астерот. – Проблему с бродячими кошками можно решить. Но! Если при этом выйти за границы двух озвученных вариантов. Причем решить пробле-

му можно гораздо лучшими методами. Вот только возникает вопрос... кто это будет делать? Совсем недавно, в начале разговора, ты подумал о том, как можно ошибаться так, как совсем недавно ошиблись Баал или мой хороший друг Люцифер, который не смог закрасить черным вторжение. Было такое?

– Было.

– Так вот. У нас с... коллегами, так скажем, действительно есть возможность видеть разные варианты развития событий, и более того – повелевать временем. Но, во-первых, это очень дорого, а во-вторых... миров, где мы, так скажем, ведем игру, гораздо больше, чем ты даже можешь себе представить.

Ты справедливо считаешь, что условную проблему плохо живущих и слишком размножившихся в прибрежном городе кошек можно решить без геноцида и без концлагеря. Но ни у Баала, ни у Люцифера нет на это ни времени, ни ресурсов. Они могут уделить этому миру ограниченное количество своего времени и ресурсов. Ограниченное количество – это здесь ключевые слова. Поэтому, по итогу некоторых событий, у них осталось лишь два варианта. Если действовать, так скажем, самостоятельно. Если же действовать чужими руками, как – не буду лукавить, действую сейчас я, используя тебя, для них делегирование полномочий кому-либо другому может в перспективе стать предтечей появления нового игрока. А кто в здравом уме будет самостоятельно себе

же воспитывать конкурента?

– А что насчет тебя? Ты сам не боишься воспитать конкурента?

– Так это же не мой мир! – довольно, как кот, фыркнул Астерот. И вновь рассмеялся, искренне и заразительно.

Судя по всему, после ошибок Баала и Люцифера у него сейчас преотличнейшее настроение.

– А можно вопрос.

– Нужно.

– Кто, в этом мире, исполнил Прометея?

Отвечать на вопрос архидемон не стал. Только изобразил еще одну по-настоящему дьявольскую улыбку. После которой я понял, чьих именно рук дело появление одаренных в этом мире.

– Нет-нет, – вдруг покачал головой Астерот. – Одаренные – это не я. От меня в этот мир пришли лишь одержимые. И после этого у обреченного на роль склада или материи, или материала мира появился шанс на свой, отдельный и самостоятельный путь. О-очень немногие удостоиваются такой возможности, ты это поймешь со временем.

– В этом-то все и дело.

– В чем противоречие? – внимательно глянул на меня Астерот, определенно почувствовав мое предвзятое настроение.

– История этого мира, как ты сказал, зависит от меня.

– Ах, вот ты о чем. Не волнуйся, если ты выживешь, то

история этого мира возвратится к норме.

– Хотелось бы понимать рамки этой нормы. Может быть, я воюю за гораздо худшие перспективы, чем цифровой концлагерь.

– Еще морковного сока?

– Нет, спасибо. Сейчас мне больше хотелось бы все же узнать, в какую именно сторону воюю персонально я.

– Ты воюешь за право выбора. Скоро мы снова встретимся и поговорим об этом более предметно. Если ты, конечно, доживешь. И если нам повезет, – улыбнулся Астерот, – и ты доживешь, то к нашей следующей встрече у тебя появится больше вопросов, и самое главное – ты сможешь понять мои ответы. А сейчас... поторопись и не оглядывайся. У тебя действительно будет совсем немного времени. Точно больше не хочешь ничего выпить?

– Нет.

– Тогда до встречи, – мягким жестом Астерот показал мне подняться. Последний взгляд серых глаз, и в меня вновь словно ударило воздушным молотом, буквально выбивая из этого слоя реальности.

К счастью, в этот раз не было боли. Я вылетел из замка Астерота, почувствовав мощный удар так, словно все тело было обколото лидокаином. Но едва оказался в следующем слое, как чувствительность полностью вернулась.

Ушло эхо удара, ушло ощущение одеревеневшего тела. Остался только импульс движения – я встретил его, опустив-

шлись на одно колено, словно сопротивляясь бьющему в лицо сильному ветру. Меня прокатило по камням, словно двигая взрывной волной; и, проехав, проскользив несколько метров, я остановился. И замер, охватив взглядом окружающую реальность, отмечая все малейшие детали. Как, например, следы от моего скольжения – площадку покрывал слой серой, похожей на пепел праха пыли.

Я вновь оказался на вершине круглой башни крепости, откуда меня совсем недавно выбил удар сэра Галлахера. Все вокруг было знакомым, уже виденным, но при этом абсолютно чужим. Это не было моим миром; я оказался в месте, которому действительно подходило название Shadowlands. Это было царство теней, отражение нашего мира.

И здесь не было света. Вообще.

До этого момента, выходя в Изнанку, я оказывался среди небольшого пространства, свободного от пелены теневых всполохов. Видимая часть Изнанки, граница живого мира, выглядела как негатив или позитив проявленной пленки для фотоаппарата. И доступная к обозрению часть Изнанки мира всегда была невелика, закрытая по периметру мгlistой пеленой.

Здесь же не было ни пелены, ни лоскутных всполохов границы. Я оказался в отдельном мире. Только если в моем, истинном и живом мире всем правил свет, то здесь жила тьма. И местное не голубое, а светло-серое небо, а также серое солнце на нем не светили, а, наверное, темнили.

Причем, при полной власти тьмы вокруг, мир не был черно-белым. Просто из-за отсутствия ярких красок на первый взгляд он казался абсолютно серым. И здесь, определенно, присутствовала жизнь; мертвая жизнь.

Весь осмотр окружающего мира занял у меня не больше секунды – успел все взором ухватить, пока назад по камням скользил. К тому же доступный к обозрению мир был ограничен высоким парапетом башни. В котором хоть и были широкие зубцы бойниц, но что за ними, я не видел – так как, остановившись, все еще сидел на одном колене. Так и замер после скольжения выхода в мир.

Вставать, а также шевелиться пока даже не собирался. Потому что рядом со мной находилось сразу несколько тварей. Несомненно, когда-то это были люди, но сейчас... уже нет. Нелюди. Белесая бледная кожа, согбенные голые тела, проступающие через натягивающуюся тонкую кожу острые позвонки; на руках видны длинные когти, но больше всего привлекают взгляд белесые, пустые глаза – на нечеловечески вытянутых лицах.

И я узнал этих тварей.

Точь-в-точь такое же существо вызвал к нам фон Колер на самой первой, вступительной лекции при введении в обучение темным искусствам. Профессор тогда открыл портал, вызывая из него такую же тварь. Которую потом, показав нам как пример безвозвратной одержимости, отправил обратно.

Передо мной сейчас были бывшие люди, одержимые, не

справившиеся с освоением темных искусств. Бывшие люди, сейчас ставшие ограниченно разумными тварями, руководствующимися в своем существовании лишь животными инстинктами.

Ближайшее обернувшееся ко мне существо внимательно осматривало меня своими белесыми глазами. До момента моего появления у него было весьма важное занятие – тварь вылизывала кровь с камней, скрючившись на четвереньках.

Сейчас это существо поднялось, сутуло сгорбившись, так же, как и я, замерев. Вторая тварь, кстати, прерываться не стала. Напоминая в позе скрючившегося Голлума, только побольше и с мордой, больше похожей на человеческую, когда-то не справившийся с темным искусством одержимый продолжал обед. Он грыз труп третьей, точно такой же твари, лежащей в луже темно-серой крови. И так же, как и ближайший ко мне одержимый, неотрывно наблюдал за мной мутным взглядом белесых глаз.

Агрессии ко мне твари не проявляли, но эти существа мне не страшны, я таких хоть сотню могу нашинковать даже без особого усилия...

Так, стоп.

В очередной раз меня словно обухом – огромным обухом, по голове погладили. Потому что в этот момент наконец осознал отсутствие силы в энергетических каналах.

Отлично все. Я сейчас оказался перед этими тварями абсолютно пустой, целиком и полностью. Даже не просто сти-

хийной силы не чувствую, больше того – я не ощущаю даже Источника и собственного энергетического каркаса.

Все потому, что в этом мире просто нет стихийной силы – вдруг понял я. И сразу отчетливо ощутил, насколько здесь затхлый и тухло-влажный воздух. Такой, словно нахожусь сейчас в самом центре гиблой топи забытого богом болота.

Здесь не было ветра, не было привычного света, не раздавались громкие звуки – в ушах словно ватная пелена. Здесь, наконец, просто не было настоящей жизни.

Зато здесь была Тьма. Я ее не видел, но чувствовал – каждой клеточкой тела. И теперь понял, откуда именно черпаю ее во время построения конструкторов и использования способностей темных искусств. И к Тьме, присутствие которой буквально кожей ощущал, я мог сейчас потянуться.

Вот только последствия, думаю, будут чреватые. Без защиты, без естественной защиты ауры живого мира, и тем более без скелета энергетических каналов, со мной произойдет то, что уже едва не произошло однажды, когда я оказался заражен Тьмой. Используя ее без подготовки для того, чтобы уговорить Измайлова спасти Зоряну. И тогда лишь присутствие фон Колера мне помогло договориться с княгиней, которая выжигала во мне заражение при помощи Анастасии.

Так что здесь и сейчас, в этом незнакомом мире я остался без оружия, без способностей и наедине с опасными тварями. Даже кукри не было – он, как часть меня, остался в

другом мире.

«Jesus Christ», – только и шепнул я, чтобы не выругаться грубо. Потому что промолчать не смог – стало страшно.

Зря, кстати, шепнул. Зря вообще пошевелился. Потому что в этот момент дальняя, грызущая труп тварь атаковала. Распахнув оказавшуюся неожиданно широкой пасть, с длинными рядами острых зубов, существо скакнуло на меня с места, прыгнув словно лягушка. Застав врасплох – все же нападения я ждал больше от того одержимого, что стоял ближе.

Впрочем, спасибо Мустафе, я и без экстраординарных способностей владеющего что-то да мог. И, пропуская голое белесое тело мимо себя, шагнул в сторону. И сразу, вдогонку, без затей пнул тварь под зад, придавая дополнительное ускорение.

Парапет на башне был высокий, почти в человеческий рост, и с широкими зубцами бойниц. В ближайшую из которых существо, к сожалению, не попало, звучно шлепнувшись лицом в стену. Но я уже был рядом – схватив одержимого, рванул его чуть в сторону, пробрасывая в проем бойницы. И вовремя отпрянул, избегая взмаха когтей извернувшейся и такой неожиданно юркой твари. Может быть, одержимый и удержался бы на стене, но попытка меня ударить совсем не помогла ему держать равновесие. Проскрежетали по камням когти в последней попытке удержаться, и извивающееся тело полетело вниз.

Почти сразу оттуда, снизу, раздался наполненный живот-

ным страхом вопль. Но смотреть было некогда – я уже обернулся ко второй твари. А нападать та не стала – цокая когтями по булыжникам, существо просто убежало. Опустившись на четвереньки и двигаясь как сутулая собака.

Одержимый определенно меня испугался – по торопливым движениям бегства видно. Или не испугался, а просто решил не связываться. Слабый, наверное, слабее того, который на меня прыгнул. Тем более что атаковавший меня грыз труп, а второй довольствовался лишь вылизыванием луж крови.

Не такие они и неразумные? Возможно.

Периодически бросая взгляды в лестничный проем на другой стороне площадки, где скрылась одержимая тварь, я вскочил на широкую стену. И подошел к краю, вглядываясь вниз.

– Мать... моя женщина, – только и выдохнул я беззвучно.

Стена массивной башни ближе к основанию была чуть наклонена, расширяясь под небольшим углом. Так что рухнувший со стены одержимый, прежде чем достигнуть поверхности, проехался по ней. И падал он, собирая змеящиеся по кладке черные жгуты лиан, покрывающие башню почти на половину высоты.

Эти темные лианы выглядели словно змеи, только не обычные, с сухой чешуей, а змеи блестящие, словно покрытые влажной слизью. Именно этот влажный отблеск и стал первым ярким элементом, увиденным мной в этом однород-

но сером, матовом мире.

Рухнувший вниз одержимый был еще жив. Его бледная фигура сильно выделялась на темной земле – существо билось в судорогах агонии и продолжало истошно выть. Было отчего – сорванные им в падении со стены лианы уже оплели его, будто змеи. Нет, не как змеи, а как мокрые влажные пиявки.

Когда одержимая тварь последний раз взвыла перед тем, как полностью исчезнуть под черными жгутами сорванных лиан, я даже вздрогнул и почувствовал, как по позвоночнику побежали холодные мурашки. И с трудом удержался, чтобы не отшатнуться в панике. Потому что в тот момент, как отсекло крик агонизирующего существа, снизу на меня дохнуло самым настоящим могильным холодом.

В действиях хищных растений не было осмысленности, я ее не чувствовал. Зато прекрасно ощущал тянущий голод, отзвук которого холодил, словно сквозняк. Стало страшно. По-настоящему страшно. Но усилием взяв себя в руки, я – сначала, правда, еще раз обернувшись к проему, где исчезла вторая тварь, прислушался к себе, отринув лишние чувства и эмоции. И буквально через мгновение почувствовал облегчение. Я понял, что кожу по всему телу, даже не просто кожу, а всего меня, до костей позвоночника, потягивает; это было словно тянущее назад притяжение. Сильное и неотвратимое, пусть и едва ощутимое, если не акцентироваться на нем.

Сэр Галлахер был прав – я сейчас могу легко покинуть этот мир, просто шагнув отсюда назад, в Изнанку. Кровная связь, созданная нами с Валерой и Эльвирой совсем недавно на вершине башни, работает как путеводная нить. Или как поводок. За который я плотно зацепился, вернее, за который меня плотно зацепили и по которому я могу в любой момент вернуться. Стоит только захотеть.

А хотелось очень сильно. Стоя на широкой стене, глядя вниз на панораму раскинувшегося города, приятного в пейзаже не видел совсем. Темные коробки домов щерились пустыми окнами; сухая, безжизненная и потрескавшаяся, как в безводной каменистой пустыне, земля частично была покрыта черной, жирно блестящей травкой.

Но прежде всего мое внимание привлекла громада возвышающегося неподалеку готического собора, который в этом мире мечетью не стал. И в его высоких стрельчатых арках окон клубилась Тьма. Самая настоящая и истинная, при взгляде на которую по спине бежал холодок страха. Причем Тьма, клубившаяся в здании собора, меня словно звала.

Усилием отведя взгляд – преодолевая притяжение более сильное, чем чувствовал в кровной связи со своим миром, я осмотрелся по сторонам. На прилегающих к крепости улицах видно движение – слева, перебегая от одной пальмы к другой, пробежала стая собак. Пальмы, кстати, здесь тоже не были живыми – стволы высохшие, и каждое дерево оплетает белесая паутина, словно нарост паразита.

Под некоторыми пальмами видны полянки, заросшие черной, напитанной Тьмой травой. При очередном перемещении стаи я заметил, что собаки, избегающие черной травы, довольно нетипично для собак двигаются. Да и не собаки это, а крысы, вдруг понял я. Крысы размером с собак.

Справа тоже заметил движение – к крепости направлялись несколько безвозвратно одержимых, также обходя заросли черной травы и скопления жирных змей-лиан. Увидев это, сделал вывод, что Тьма хоть в этом мире и есть, как естественное наполнение, но она агрессивна для местных обитателей.

Несмотря на подробную картину увиденного, осмотр занял у меня всего несколько секунд – фраза Астерота о том, что мне необходимо быть быстрее, пульсировала в сознании. Спрыгнув с парашюта, я еще раз торопливо осмотрелся. Только теперь акцентируя внимание на следах – на покрывающем камни слое пепельной пыли они были хорошо заметны.

Много следов – особенно вдоль длинной полосы, которую проделал я торможением после вброса в этот мир. Но моя полоса наложилась на характерно сбитую пыль в месте падения: я вылетел сюда более-менее готовый, Саманта же, появившаяся раньше меня, видимо покатила по камням после того, как получила удар в спину.

Судя по следам – отметины сапожек видны у многих бойниц, Саманта осматривалась здесь, довольно долго находясь на башне. И судя же по следам, к ней сюда пришли одержи-

мые твари, одну из которых она убила.

Видимо, после схватки с одержимыми существами, Саманта башню покинула. Я было двинулся следом, вот только отпечатки небольших ножек на лестнице пропали – серой пепельной пыли здесь не было. А в темноту лестницы спуститься очень не хотелось.

В принципе, можно было пойти по другому пути – широкая стена здесь переходила в крышу помещений внутреннего двора. И, пройдя по ней, можно было заглянуть в сам внутренний двор, куда по лестнице Саманта должна была спуститься. Но и сэр Галлахер, и Астерот акцентировали мое внимание на всей возможной быстроте действий. Их слова меня подгоняли, напоминая о необходимости торопиться. Поэтому задерживаться я не стал и сбежал вниз, выходя во внутренний двор крепости.

Правильно не стал задерживаться.

Саманта была здесь. Принцесса сидела, подтянув колени к груди, в десятке метров от меня. Она скрючилась под стеной, зажимая окровавленной рукой глубокий порез на боку.

Поодаль лежали тела убитых одержимых. Много, больше десятка. И то, как они выглядели, мне не очень понравилось – все твари умерли так, словно были облиты кипящей черной смолой. Тела так и застыли, искривленные в муке смерти.

Они умерли, столкнувшись с истинной Тьмой.

Видимо, выбирая между перспективой умереть от когтей тварей или умереть от поражения Тьмой, Саманта выбрала

второе. Сознательно выбрала. Прежде чем покинуть башню, я бегло осмотрел труп лежащей там твари – она погибла от сломанной шеи, без вмешательства Тьмы.

Саманта при моем появлении почувствовала отзвук движения, вскинулась и повернулась ко мне. Резко, как галка, в ореоле взметнувшихся черных волос.

«...» – лишь коротко выругался я.

Лицо принцессы было серым, болезненным. Будь у нее светлая кожа, наверняка сейчас была бы белее мела. Но даже несмотря на то, что в обычной жизни принцесса смуглянка, ее кожа сейчас практически утратила темный бронзовый оттенок.

Но самым пугающим было совсем не это; под кожей у принцессы бугрилась черная паутина жгутов, поднимаясь от шеи и наползая на лицо. Точь-в-точь такие же червоточины, что были и у меня после заражения Тьмой.

– Артур, – едва слышно произнесла Саманта. По щеке у нее покатила слеза, и в этот момент одна из ползущих под кожей червоточин добралась до ее глаза. – Уходи! – в отчаянном последнем усилии еще успела сказать она. Да и то выкрик оказался наполовину съеден гортанным то ли стоном, то ли рычанием.

«...» – еще раз высказался я, когда кожа Саманты посередела еще сильнее, а принцесса, сопротивляясь неотвратимой одержимости, дернулась в бьющей тело судороге. Дернулась и замерла, глядя прямо на меня. Только теперь ее глаза за-

полнила непроглядная чернота.

Говорили же мне торопиться, а я, дурак, не слушал.

На тонких длинных пальцах девушки появились абсолютно черные когти, превратившийся в пасть рот широко распахнулся, показывая неестественно выросшие и заострившиеся клыки. Тоже черные.

С места, как и сидела, скрючившись под стеной, Саманта бросилась на меня, распрямляясь тугой пружиной. Даже не пытаюсь уклониться, я шагнул навстречу. Встретил ее простым и незатейливым ударом в солнечное сплетение. Мелькнули когти, я почувствовал, как по плечу резануло, а после хорошо так рвануло, прямо до скрежета когтей по кости ключицы. Ее когтей, по моей кости.

Оч-чень острые когти, режут как раскаленный нож масло – успел подумать я. Боли пока просто не почувствовал, она еще не успела прийти. И нужно было этим воспользоваться. Мой удар сбил на несколько мгновений превратившуюся в одержимую принцессу, и я успел обнять Саманту и всей силой потянуться назад, домой.

При переходе, если честно, чуть было ее не потерял. За краткий миг до того, как мы покинули этот мир и оказались на теневой границе, отделяющей светлый верхний мир от темного нижнего, Саманта вцепилась клыками мне в горло, буквально вырвав крупный кусок плоти.

Но самое главное я сделать успел – вместе с Самантой, в обнимку, мы все же шагнули в Изнанку, покидая этот тем-

ный и негостеприимный мир. А из Изнанки нас – именно нас, уже рванули связывающие кровью нити. Выдернуло словно рыбу, заглотившую наживку, резко и рывком.

Правда, не обошлось без неприятностей. Здесь, уходя из мира, я стоял в центре пентаграммы, связанный кровью с Эльвирой и Валерой, а выдернуло меня немного левее. Выдернуло и в момент соединения души и тела перекрутило всей силой воронки притяжения тел – астрального и физического.

Энергетические каналы, конечно, при таком переходе не синхронизировались, и, снова оказавшись в своем теле, я рухнул вниз как подкошенный, заливая все вокруг кровью. Хлынуло не только из взрезанных вен, но и из перегрызенного Самантой горла. Была у меня надежда, что полученные в темном мире повреждения там же и останутся. Но надежда, как оказалось, напрасная.

Скрючившись, зажав шею ладонью, я обратился к огненной стихии. Не очень удачная мысль. Получилось только хуже – едва не превратил в головешку правую руку, а перед глазами и вовсе все потемнело. Хотелось закричать, но ни сил, ни возможностей не было – из меня толчками, с каждым ударом сердца, выплескивалась кровь.

Видел я все уже в серой пелене приближающегося беспмятства. Да и смотреть особо не на что – только чужие ноги. Мельтешение чужих ботинок, причем мельтешение совсем не рядом со мной. Хотел было крикнуть и попросить о по-

мощи, но вместо крика вырвалось сипение – вместе с очередной порцией выталкиваемой сердцем крови из разорванного горла.

Пелена перед глазами приобрела мягкий серый оттенок, стало тепло и очень хорошо. Я словно бы воспарил над телом, наблюдая, как Николаев, сэр Галлахер и Эльвира суеются рядом с Самантой. Сэр Галлахер прижал беснующуюся принцессу запястьями к полу, Эльвира схватила ее за голову – плотно прижав засиявшие фиолетовым ладони к вискам; Николаев разорвал на Саманте куртку и – словно электроды дефибриллятора, приложил ей к груди свои объятые магической силой Огня ладони.

Собрались выжигать Тьму – понял я, и в этот момент меня затащило обратно в тело.

«Ну вот зачем так делать?» – очень захотелось мне сказать.

Только что же было так хорошо, тепло, и самое главное – не было боли. Парить над телом оказалось гораздо приятнее, чем здесь и сейчас снова бороться за жизнь.

Сказать не получилось – из горла вырвался сиплый хрип. И кровь. А не, не кровь – голубая пена. Валера, не обладая талантами лекаря и не имея связанной со мной стихии, решил вопрос довольно кардинально, залив все что можно магическим биогелем.

– Не вздумай откланиваться, – только и сказал он, обрабатывая мне биогелем порезы на руках.

Я в ответ только захрипел невнятно. Саманта как раз в этот момент закричала. Громко, пронзительно, переходя на истошный визг. Но, услышав ее полный мучительной боли крик, я почувствовал невероятное облегчение. Потому что это был человеческий крик.

Я бы даже, наверное, сейчас с удовольствием вздохнул с облегчением. Вздохнул, если бы смог – как оказалось, из-за заполнившего все горло биогеля дышать мне теперь было никак.

Пытаясь справиться с пенящимся во рту и горле биогелем, я видел, как лежащая неподалеку Саманта от невыносимой боли засучила ногами. И еще увидел, как все пошло не по плану – вдруг отлетела прочь, словно выпущенная из пращи, Эльвира. Хорошо не в бойницу вылетела, ударилась в стену. И судя по тому, как она рухнула на пол, безвольной куклой, от удара царевна потеряла сознание.

Николаева и сэра Галлахера также едва не раскидало, но оба справились, остались на месте. Один принцессу удержал, а другой продолжил выжигать ей скверну Тьмы из энергетических каналов.

– Так, не уходи никуда, – похлопав меня по щеке, Валера бросился к Эльвире.

Подбежав и рванув ее, поднимая на ноги, Валера исполнил поцелуй жизни. Эльвира не сразу поняла, что происходит, отстранилась вместе с хлесткой пощечиной. Валера внимания на это даже не обратил – отпустил царевну, вновь воз-

вращаясь ко мне.

Эльвира же помотала головой, приходя в себя и возвращаясь воспоминаниями к событиям. Помотала головой и сразу покачнулась как пьяная, пытаюсь удержать равновесие и сфокусировать взгляд после удара.

Когда получилось, она, неуверенно двигаясь, направилась обратно к колдующим возле принцессы магистрам темных искусств. С каждым шагом вновь возвращая четкость движений и ускоряясь. И когда Эльвира снова присела рядом с Самантой, ее ладони вновь засияли фиолетовым отблеском.

Я все это видел и наблюдал так подробно потому, что в этот момент вновь покинул брренное тело, воспарив ввысь – к такому теплому и мягкому покою. И снова откланяться мне помешал Валера.

– Да ты издеваешься! – услышал я его крик.

«Да ты издеваешься!» – с усталым раздражением синхронно подумал я, когда он очередной порцией стимулятора, вдобавок к уже использованному биогелю, вернул меня в приземленное состояние кровавой каши.

Снова порция биогеля и еще одна порция стимулятора, и вновь я оказался в мире живых. Но сил уже не было, да и слабо соображал, что здесь происходит.

В следующие несколько минут еще несколько раз покидал тело, но меня снова возвращали – очень жестко и очень грубо. Обламывая кайф мягкого спокойствия, будто дергая за поводок стремящегося побегать по снежному полю пса хас-

ки.

Облегчение пришло как-то неожиданно и вдруг. Вроде буквально только что меня грубо удерживали в этом мире, словно зацепив за кожу сотнями рыболовных крючков. Не очень приятное ощущение, и с каждым воспарением «ввысь» возвращаться туда, в брненное тело, совсем не хотелось. Но неожиданно, вдруг снимая и боль, и мучительную слабость, по всему телу прошла приятная лечебная волна. Причем прошла эта волна в том числе выпрямляя и приводя в норму энергетические каналы.

Эльвира – догадался я о природе лечения.

Вмешательство царевны не возвратило меня в состояние идеала – боль частично осталась. Но ее вмешательство возвратило меня непосредственно к полноценной жизни. Открыв глаза, я на фоне голубого купола неба увидел сразу несколько склонившихся надо мной лиц.

– Я же говорил, что выживет, – безадресно фыркнул Валера. – Они уже прощаться собирались, – сообщил он теперь непосредственно мне, почти сразу поднимаясь и скрываясь из поля зрения.

Тяжело вздохнула Эльвира, отстраняясь от меня. Оставив на фоне неба только след фиолетового сияния из горящих магическим отсветом глаз. В поле зрения снова появился Валера, который помог царевне встать. Судя по виду, она сейчас была совсем без сил.

Исчезли из поля зрения и склонившиеся надо мной Нико-

лаев и сэр Галлахер. Осталась одна Саманта, которая всматривалась в меня широко открытыми глазами. Кожа ее вернула прежний смуглый оттенок (все же сероватый от бледности), а голубые глаза на осунувшемся лице горели необычно ярко.

Вновь почувствовав контроль над телом, я выпрямился. Но даже осмотреться не успел, как Саманта вдруг прыгнула вперед, крепко меня обнимая. Спрятав лицо у меня на груди, она – еще более неожиданно, зашлась в громких, несдерживаемых рыданиях.

Хотя почему неожиданно?

У меня в темном мире – со всем знанием и ощущением возможности возврата в любой момент, поджилки тряслись, в прямом смысле слова. Страшно было, просто жуть. И я с трудом контролировал себя те несколько минут, которые там провел. А что пришлось пережить Саманте в темном мире в одиночестве, в неизвестности и за несколько бесконечно долгих часов? Тем более что долгое время она провела, борясь с заражением Тьмой, чувствуя неотвратимо накатывающую безвозвратную одержимость. Обнимая Саманту и глядя ее по волосам – понимая, что у нее сейчас истерика после пережитого, которую надо переждать, я огляделся по сторонам.

Башня, пусть и залитая дневным светом истинного мира, выглядела довольно удручающе.

Искалеченный одноглазый сэр Галлахер, привалившийся

к стене, отдыхал и переводил дыхание, стоя на одном колене.

Обессиленная Эльвира, которую придерживал Валера, в этот момент дошла до стены. И когда Валера чуть отпустил ее, она просто сползла вниз, закрыв глаза еще даже не сев на булыжники пола.

Валера со вздохом присел рядом, и на ногах остался один Николаев. Полковник сейчас осматривал обожженные руки – избавление Саманты от скверны далось ему нелегко.

И кровь, везде разлитая кровь. В том числе и моя, целая лужа. На язык очень просилась фраза: «Ничего себе сходил за хлебушком». Но я титаническим усилием смог удержаться и оставить ее при себе. Продолжая при этом успокаивающе гладить всхлипывающую Саманту по волосам.

Посидели в молчании около минуты, после чего я столкнулся взглядом с Валерой.

И неожиданно вдруг понял, что мне сейчас жрать хочется, аж сил нет. Именно так – жрать. Потому что кушать я хотел еще вчера во время марш-броска до плато, есть мне хотелось сегодня утром, ну а сейчас я просто желал что-нибудь сожрать. При осознании этого живот потянуло голодом даже сильнее, чем тянули меня совсем недавно кровные узы, вытаскивая из чужого агрессивного мира.

«Может, пообедаем?» – спросил я у Валеры беззвучно, одними губами.

Глава 5

Лежа на спине, я смотрел в потолок и пытался вернуть-ся в близкое к норме ощущение реальности. Дыхание постепенно успокаивалось, а в сознание понемногу возвращалась ясность. Даже ощутил, как, пощекотав кожу, капелька пота стекает по виску.

Выскользнув из-под моей руки и перекатившись по смятым простыням, Саманта прыгнула с высокой кровати. Мягко ступая, она подошла к выходу на террасу и широким движением распахнула двери, впуская в комнату поток свежего воздуха.

По разгоряченному телу потянуло холодом – на улице не май месяц, температура не выше пятнадцати градусов. Но мне прохлада несла только приятные ощущения, поэтому я лежал и наслаждался. И свежим воздухом, и возможностью наблюдать, как абсолютно обнаженная принцесса замерла у выхода на террасу.

Саманта стояла, опираясь рукой на стену, глядя вдаль, на раскинувшуюся неподвижную гладь моря, накрытую серыми сумерками близкого рассвета. При этом, я заметил, Саманта чуть-чуть приподнялась на мысках, так что пятки ее пола не касались; спина прямая, подбородок чуть вздернут – поистине царская осанка. Этому учат, но учат с малых лет, и сейчас она уже держит себя подобным образом совершенно

естественно, так что в любой момент, даже не задумываясь, предстает в самом выгодном для взгляда ракурсе.

И посмотреть было на что. Приподнявшись на локтях, я любовался замершей принцессой, которая сейчас в сумрачной предрассветной дымке походила на прекрасную античную статую, вышедшую из-под руки гениального мастера.

– Я красивая? – почувствовав мой взгляд, поинтересовалась Саманта и резко обернулась. При этом она расправила плечи, перенесла вес на одну ногу, выгнув спину и картинно, грациозным жестом подняв руку. На вопрос я отвечать не стал, промолчал. Саманта торжествующе улыбнулась – она и без моих слов видела и чувствовала, какое впечатление производит.

Глаза ее блестели, а губы чуть подрагивали. Она, так же как и я, все еще не до конца пришла в себя. И сейчас тоже была в плену пьянящей неги, еще не вернув полностью четкость мыслей и преобладание холодного разума в поступках и словах. Тень недавнего, захватившего нас безумия. Самого настоящего. Но оно сегодня ночью было нужно и ей, и мне.

Ворвавшийся в комнату поток холодного воздуха между тем высушил пот, и я накрылся простыней. Пока тянулся, посмотрел на часы на прикроватном столике: «04:33».

Рассвет уже близко. Или, если смотреть с другой стороны, до него еще далеко. Да, с этой стороны смотреть мне нравится больше. Пусть времени остается не так много, но его и не так мало. Наш вылет, вылет нашей команды домой, назначен

на семь тридцать, сразу после рассвета. Так что у нас с Самантой еще есть несколько часов.

– Эй, а кто из нас из снежной России, а кто из теплой Африки? – заметив, как я накрылся, произнесла Саманта. Она по-прежнему наслаждалась уличной прохладой, стоя у выхода на террасу.

– Сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается, – прокомментировал я.

Голос чуть не сорвался – дыхание так пока успокоить и не смог. Но хоть в реальность происходящего окончательно вернулся, вынырнув из того полубезумного состояния, в котором мы совсем недавно находились, наслаждаясь друг другом.

Саманта в ответ на мои слова звонко рассмеялась. Двигаясь все той же грациозной мягкой походкой, она вернулась на кровать и, частично откинув с меня простынь, легла сверху. После чего положила подбородок на сложенные на моей груди ладони – так, что наши глаза оказались совсем близко.

– It's a new day, it's new dawn, it's a new life for me, – напела Саманта с нескрываемым удовольствием. – Я же самая прекрасная девушка на свете, верно? – поинтересовалась она.

Я только вздохнул – довольно непростой вопрос. Но Саманта улыбнулась без тени обиды, а даже как-то загадочно. С предвкушением, можно сказать.

– Да ладно, я и так это знаю, можешь не объяснять. Скажи лучше, сколько тебе лет?

Взгляд я отводить не стал, внимательно глядя в такие пронзительно голубые глаза.

Она определенно знала, что мне не семнадцать. Но почему-то совершенно по этому поводу не переживала.

– Не так много, – осторожно и обтекаемо ответил я.

– Верю. Но и не так мало, как кажется, – ангельским голосом ответила Саманта.

Опасная она девушка. Правду может вытащить не хуже Ольги. Хотя Ольга бы у меня даже спрашивать не стала, наверное. Сама бы в мыслях покопалась. Если не уже – вдруг повело мне холодком по спине мыслью. Но почти моментально я абстрагировался от этого ощущения. Причем не сам – в восприятие реальности меня вернул чувственный поцелуй от Саманты.

– Я здесь, – протянула она, вновь положив подбородок на сложенные на моей груди ладони.

– Как ты поняла?

– Я занимаюсь шаманскими практиками с одиннадцати лет и во время перехода между слоями мира едва не развоплотилась. Причем я буквально по кусочкам собирала осколки разума, пытаюсь остаться при памяти. Ты же еще не достиг второго совершеннолетия, но уже работаешь с Тьмой на уровне магистра. Не в смысле уровня конструкторов, а в смысле уровня концентрации. Такого просто не может быть, это противоречит естественной природе вещей.

Ну да, ну да. Все верно говорит.

Когда у меня не было забот и было много времени – вспомнил я первые «беззаботные» месяцы существования в этом мире, я сам дошел и до этого вопроса, и до ответа на него. И во время обучения с фон Колером, по обрывочным сведениям и его отношению, смог понять, почему усваиваю практику темных искусств, во-первых, много быстрее среднего по палате среди юных одержимых, а во-вторых, без опасности для себя.

Разбуженные способности темных искусств даже после инициации Источника опасны для ребенка, подростка – можно утонуть в бездне, потеряв разум. Детская психика отличается от взрослой, так что у меня полученные знания и умения ложились уже на прочный фундамент. Не будь которого, правильно говорит Саманта, я – будь по-прежнему Олегом, после удара сэра Галлахера развоплотился бы. Как Мархосиас после удара Баала.

Кстати. Ведь, отправляя меня ударом в Нижний мир, сэр Галлахер не мог об этом не догадываться. Тоже что-то знает про меня?

Интересное кино.

– И о чем еще ты догадалась?

– Если честно, пока больше ни о чем. Смогла лишь исключить некоторые неприятные мне моменты.

– Какие же?

– Допустим, тот, что ты не Спящий в чужом теле.

– Исключила каким образом? Мне просто интересно, на

будущее.

– Ну, начнем с того, что, если смотреть с позиции теории, я это знала заранее. Шаманство предполагает гадание, а это, не смейся, ответ на многие вопросы. И да, я получила вполне четкий ответ, что ты – это ты. Олег Ковальский, он же Артур Волков. Правда, этот ответ был эксклюзивен и принадлежал только мне. Вчера, кстати, этот же ответ получил сэр Уильям Джон. Да-да, – улыбнулась Саманта в ответ на мой взгляд, – он не может обращаться за ответами к духам и довольно давно уже предполагал, что в твоём теле живет Спящий.

– Предполагал?

– Уверенно предполагал, так скажем. Не знаю, что произошло после того, как меня выкинуло в нижний мир, и что и как именно он думал и делал, но сейчас будь спокоен – больше он так не считает.

– Почему?

– Потому что Спящий после такого удара в тело вернуться бы не смог. Захват чужого тела – дело хлопотное, и из него не получится выйти... как ты там иногда говоришь? На polshishechku.

– Ты хорошо осведомлена о моем быте, – невольно вздернул я бровь.

Выражение «на полшишечки» точно не относилось к числу часто мной употребляемых, и слышать его вживую она точно не могла.

– Ты же понимаешь, что это не я, это разведка работает.

Просто мне расшифровка запомнилась, над ней целый отдел в поте лица от возможных догадок работал, – улыбнулась Саманта и вернулась к обсуждению: – Я вчера поговорила с сэром Уильямом Джоном тет-а-тет на тему тебя, и он пока даже не знает, что и думать.

– Интересно, – покивал я, задумавшись об одной возникшей вдруг идее.

– Arthur, – перешла на английский Саманта.

– Да?

– Ты не хочешь ничего мне рассказать?

– Очень хочу.

– Но?

– Пока не могу. Мне нужно время. Я сейчас... нахожусь, так скажем, на пороге входа в точку бифуркации. И когда, вернее, если я ее пройду и если я при этом выживу, то мы снова встретимся и поговорим об этом более предметно. Кроме того, к нашей следующей встрече у тебя появится больше вопросов, а самое главное – ты сможешь понять мои ответы, – я сам не заметил, как начал слово в слово повторять то, что недавно на прощание сказал мне Астерот. – А сейчас... – посмотрел я в глаза Саманте.

– Что сейчас?

– А сейчас времени у нас осталось не так много. Let your body talk to mine, – приложил я палец к губам Саманты, призывая к молчанию. Правая рука у меня уже была занята, так что поднять для этого мне было удобно руку левую. Глядя

на которую я вдруг задумался. Вот уж действительно, самые разные мысли в голову приходят в такие моменты.

Несколько секунд действительно помолчали.

«Что?» – взглядом спросила Саманта, начиная недоумевать от того, что я замер в раздумьях.

Был бы я прежним Артуром, я бы сейчас отставил в сторону возникшее желание и задал бы Саманте довольно важный вопрос. Был бы больше Олегом, подобный вопрос бы даже не возник – слишком для него момент неподходящий.

Я уже не был прежней личностью, в прошлом понимании, но при этом сохранял большую часть себя. Поэтому все же задумался. Но ненадолго – тем более что простынь уже давно в сторону отлетела.

«Не-не, ничего», – также ответил я взглядом, притягивая девушку к себе.

Всегда можно найти компромисс и просто задать вопрос чуть позже.

Через некоторое время, вновь обессиленные, мы лежали на вконец смятых простынях. И теперь уже я соскочил с кровати и вышел на террасу, наблюдая за рождавшимся за горизонтом рассветом, окрашивающим светлым оттенком спокойную гладь моря.

Успокоив дыхание и вернув себе ясность мыслей – не до конца, конечно, все еще словно хмельной дух сохраняется, я поднял левую руку и заставил перстни душ материализоваться на пальцах. В массивном перстне Ады и в тонком

кольце-змеяке Иры продолжали пульсировать в такт сердец огоньки душ.

Именно поэтому совсем недавно я – когда приложил палец к губам Саманты, задумался. Кто, как не она или сэр Галлахер, может знать о способах воскрешения душ?

Николаев об этом если и имеет представление, то весьма поверхностное: в освоении темных искусств нельзя быть разносторонне развитым. Просто не хватает возможностей на все направления. И мой мастер-наставник упоминал, что не то что не обладает, а даже полностью не может описать технику создания слепка души.

С этим фактором была связана и напряженность нашего положения во время турнира. Если бы меня или кого из нас убили, серьезная проблема была бы не только в воскрешении, но и в повторном наложении слепка души – специалисты, обладающие подобным умением, товар штучный. Создавать слепки душ, кстати, прекрасно умел фон Колер. Но Максимилиана Ивановича, к сожалению, с нами больше нет. Вернее, к счастью.

Поэтому не думаю, что Николаев сможет полно ответить на мои вопросы. В отличие от Саманты, которая – как я теперь более чем утвердился во мнении, накоротке с самыми разными духами.

Пока я размышлял, глядя то на серую предрассветную дымку, то на перстни, Саманта поднялась с кровати. Она подошла сзади, обнимая меня и прижимаясь грудью к спине.

– Прости, но у меня есть вопрос, – не оборачиваясь, взял я ее за руку.

За вчерашний день старался не напоминать ей о путешествии в нижний мир теней – очень уж сильное потрясение она испытала. И, я это видел, принцесса поставила себе ментальные барьеры, чтобы не возвращаться к этим воспоминаниям. Поэтому она и смеялась так звонко, и так радовалась жизни – будучи без вина пьяной. Оградившись от тяжелых воспоминаний ментальными барьерами, Саманта просто приводила себя в порядок. Обычная терапия, то, что доктор прописал. Причем действительно ей это личный доктор прописал, как часть восстанавливающих процедур.

И ход этой терапии я, к сожалению, должен сейчас нарушить. Но у нас осталось слишком мало времени вместе, уже через полтора часа нужно будет расставаться.

– Слушаю, – подобралась Саманта.

Она увидела и почувствовала мое состояние, и за краткий миг в ней что-то неуловимо изменилось. Саманта – понял я – сбросила ментальные барьеры, возвращаясь к своему обычному состоянию. И стала... как будто опаснее, словно к ней полностью вернулись хищные повадки.

Обычно мне это не было заметно, но сейчас я провел рядом с Самантой почти сутки. Причем большую часть этого времени она жила словно в коконе, оградившись от части собственных эмоций. Так что перемена оказалась разительна – словно за краткий миг мурлыкающая домашняя кош-

ка превратилась в хищную рысь, которая с прежним ясным взглядом может без лишних душевных терзаний разорвать чужое горло.

Такая Саманта мне, кстати, нравится даже, наверное, больше.

– Вышибающий душу удар... с помощью которого мы с тобой оказались в мире теней, давно тебе известен?

– Давно. Но... это, так скажем, эксклюзивная информация.

Спрашивать ничего не стал. Просто выждал паузу. Захочет – сама скажет. Не захочет – не скажет, значит, не только ее тайна.

Я не оборачивался, Саманта по-прежнему обнимала меня сзади. В глаза мы друг другу не смотрели, и говорить на сложные темы так было гораздо легче. И через несколько секунд я ощутил, как Саманта глубоко вздохнула.

– Этот способ убийства одержимого показал мне отец, около семи лет назад. Предполагаю, что об этом знал только он, ну, может быть, еще мой дядя Майкл – они всегда были дружны. Сэр Галлахер тогда об этом ударе точно не знал – отец считал, что для одержимых это слишком опасная информация.

Дядя Майкл... это вообще кто? – не сразу понял я. Хотел было уже спросить, но обошлось без вопросов.

«Кому дядя Майкл, а кому Ваше Королевское Высочество», – подсказал мне внутренний голос. После чего я сра-

зу вспомнил и понял, что речь идет о так называемом очевидном наследнике – принце Майкле Кентском, идущем вторым в очереди наследования трона и всех двух десятков, или сколько там у них сейчас, британских корон.

– Ясно, спасибо, – произнес я задумчиво.

Теперь уже Саманта помолчала, ожидая от меня продолжения.

– Вчера утром, во время попытки захвата портала, при мне так убили Мархосиаса.

– Кто? – спросила Саманта. В ее голосе явно послышалось напряжение, и я почувствовал, как она непроизвольно сильнее прижалась ко мне.

Ну да, не каждый день узнаешь информацию о том, что кто-то может убить тысячелетнего демона.

– Я точно не знаю, кто это. Скорее всего, тот, кто скрывается под аватаром герцога Сфорцы с позывным «Баал».

– Буду иметь в виду, – кивнула Саманта. Голос ее при этом дрогнул.

– Да. Будь осторожна, прошу тебя.

– Да я сама осторожность, ты же знаешь, – лица Саманты я не видел, но понял, что она улыбнулась. Правда, не думаю, что это была веселая улыбка.

– У меня еще вопрос.

– Да.

Я поднял левую руку, показывая Саманте перстни. И наконец обернулся к ней.

– Мои телохранительницы. Обе принесли мне клятву верности, совершив отложенное жертвоприношение, при этом оставив мне оба перстня, каждая свой. Вчера в Инферно их убили, но пульсация жизни... сама видишь. Есть ли возможность их воскресить?

Саманта отрицательно покачала головой, в глубокой задумчивости глядя на перстни.

– Сразу могу сказать, что это малореально. В перстнях у тебя... – замялась Саманта, сразу не найдя нужных слов. Так и не найдя, начала объяснять с другой стороны: – Отложенное жертвоприношение не дает возможности переместить в перстень слепок души, туда отправляется лишь осколок, ее тень. Сама я никогда с таким пока не сталкивалась, и у меня насчет этого только обрывки знаний. Но я могу попробовать об этом узнать более подробно.

– Когда узнаешь, прошу, сообщи мне сразу. Это для меня очень...

– Я сделаю это сейчас, – отстранилась от меня Саманта и вернулась на кровать.

Поправив простыни, Саманта – так и не одеваясь, села в позу лотоса, положив руки на колени, словно для медитации. Хотя частично так оно и было – я вдруг почувствовал ослабление эманаций ее ауры.

– Я могу уйти надолго. Но если больше получаса, зови наставников и будь готов снова меня спасать, – предупредила меня Саманта и закрыла глаза.

– Подожди.

– Что?

– Что ты собираешься сделать?

Саманта посмотрела на меня непонимающим взглядом. Недолго, меньше секунды. После чего, по глазам увидел, вспомнила наш предыдущий разговор о том, что в мир магии я пришел меньше чем полгода назад и могу не знать элементарных вещей. И пояснила:

– Я сейчас отправлюсь в Изнанку, спрошу духов. Если по-научному, не духов, – отреагировала на мой взгляд Саманта, – а такие же осколки душ, как и у тебя в перстне, только блуждающие. Кроме этого, в Изнанке много теней – это, можно сказать, эхо воспоминаний погибших одаренных и одержимых. Если уметь спрашивать и искать информацию, можно узнать о чем-либо из памяти поколений. Способ сложный, решение может быть не всегда верным, но знания получить можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.